

Любовь уходит в полночь

Автор:

[Барбара Картленд](#)

Любовь уходит в полночь

Барбара Картленд

После смерти своих родителей Ксения Сандон мечтает разыскать родственников и отправляется из Великобритании во Францию. В поезде она сталкивается с девушкой из знатного дворянского рода, похожей на нее как две капли воды. Когда сообразительная Джоанна понимает, что это сходство не случайно, у нее в голове моментально рождается план: отправить Ксению во дворец вместо себя.

Барбара Картленд

Любовь уходит в полночь

© Barbara Cartland, 1978

Примечание автора

Граф Гранвиль, главный государственный секретарь ее величества по иностранным делам в 1883 году, когда происходит действие романа, был родственником моего мужа.

У меня есть паспорт за его подписью, выправленный им для моего деда Джеймса Фолкнера Картленда, с разрешением на заграничные путешествия

вместе с супругой.

Паспорт имеет вид письма на очень тонкой бумаге с королевским гербом вверху и с личной печатью графа внизу, рядом с подписью. В то время, да и в течение всей Викторианской эпохи Великобритания усиленно пыталась сохранить политическое равновесие в Европе, непревзойденно искусно используя для этого канал дипломатии.

1883 г.

1

Поезд, плавно отъехавший от платформы вокзала Виктория с опозданием в четверть часа, нагонял время. Колеса стучали, состав катился по рельсам вперед и вперед, угрожая прибыть в пункт назначения при такой скорости значительно раньше часа, указанного в расписании.

Ксении казалось, что вагон трясет и бросает из стороны в сторону самым нещадным образом, хотя это не мешало ей размышлять над одной приметой: вчера уголек из камина, когда она пошурудила там, распределяя огонь, выпал кругленький, аккуратный. «Это к богатству!» – авторитетно заметила ей миссис Беркли: ее познания по части примет были неисчерпаемы, она применяла их ко всем случаям жизни и всякий раз спешила таким способом предугадать события. Довольно часто предсказания миссис Беркли сбывались, и кто знает, было ли то случайное совпадение, или миссис Беркли и в самом деле так верила в эти приметы, что событию ничего не оставалось, как материализоваться.

Прежде чем поезд тронулся, Ксения плотно закрыла окна – по настоянию миссис Беркли: та озабоченно начала сетовать, что частицы сажи от дыма, черными клубами вырывавшегося из трубы локомотива, осядут на их одежде и лицах – а это дурной знак, к неприятностям, а может быть, даже к болезням. И как же она была права со своей просьбой! Дым из трубы и в самом деле тянулся густым темным шлейфом. А поначалу просьба Ксению раздосадовала – к чему все эти излишние опасения и тревожения? Дорога есть дорога. Всегда какие-то неудобства. При чем тут сажа? Но сейчас она была рада предусмотрительности хозяйки. Ехать чистыми гораздо приятнее.

Миссис Беркли сидела напротив нее. Ксения в тысячный раз повторяла себе: ей повезло, повезло, повезло! Она пересекает Ла-Манш, скоро, уже совсем скоро она увидит Францию! Правда, даже если бы Ксения и запомнила, куда несет ее этот готовый соскочить с рельс поезд, миссис Беркли, вне всякого сомнения, не дала бы ей об этом забыть.

– Большинство девиц твоего возраста, – прозудела миссис Беркли сухим невыразительным голосом, – зашлись бы в приливе восторга, будь им предоставлена такая возможность – увидеть Европу! Ты не находишь? Но тебе, моя милочка, повезло в особенности!

Ксения отлично поняла скрытый смысл сказанного – как в этом случае, так она понимала его и во многих других, похожих. Это было очередное напоминание: «После смерти твоих родителей ты осталась под этим небом, на этой земле одна, и тебя пригрел не кто-то, а я, я, я, я, миссис Беркли!»

А Ксения-то надеялась, что о ней позаботится кто-либо из родственников: ведь есть же они у нее! Есть дед-военный. Есть брат отца. Однако так вышло, что опекать ее взялась совершенно чужая ей женщина. И, надо отдать ей должное, эту роль она мастерски исполняла. Миссис Беркли распирало от собственного великодушия – да и сказать прямо, это свойство природы и заставило ее привести осиротевшую Ксению в дом, где та получила приют и благопристойное существование.

Достопочтенная миссис Беркли, вдова, жила в той же небольшой деревушке Литтл Кумб, где Ксения провела всю свою жизнь. Деревушка была расположена в герцогстве Корнуолл, неподалеку от Труро, столицы и самого большого города в герцогстве. Муж миссис Беркли был небедным помещиком, но отошел в мир иной, оставив супруге добротное и доходное хозяйство – более половины всего населения юго-западной части Великобритании занималось сельским хозяйством, и чета Беркли могла отнести себя к преуспевающим в этом составе.

В Литтл Кумб большинство деревенских пробавлялось работой на Беркли, но отец Ксении не входил в их число, жил наособицу, независимо. Сильный, красивый, статный, он советом и делом помогал фермерам ухаживать за их лошадьми, и его помощь очень ценили: он был знающий и надежный – знал толк в каждой породе, имел подход к самой норовистой лошади, умел починить

упряжь, если это было необходимо, не дожидаясь особой просьбы.

Такая независимость их семьи не давала миссис Беркли покоя – ведь она не могла охватить их своим покровительством, как всех остальных в деревне. Гордость миссис Беркли страдала. Каждое изъявление своей щедрости она драматически обставляла и в душе всякий раз ощущала что-то вроде маленькой личной победы – Ксения, повзрослев, отметила про себя это свойство ее характера, наблюдая ее с другими людьми, но ни с кем его не обсуждала, ограничившись собственным наблюдением.

И тем не менее миссис Беркли – со всеми своими деньгами, обширными земельными угодьями, богатым особняком – томилась завистью к тихой и скромной миссис Сандон, матери Ксении, которая никогда не пыталась делать что-нибудь напоказ, без чего, наоборот, не могла обойтись миссис Беркли. Вот только миссис Беркли не могла объяснить себе природу того странного чувства, какое она испытывала к семейству Сандон. Это было ощущение их превосходства над нею, ничем не выражаемое, никак не обозначаемое и, вне всякого сомнения, в их сознании не присутствующее, что и было для миссис Беркли самое неприятное, сбивающее с толку, – но чье-то превосходство над собой она всегда чуяла нюхом лесного зверя.

А Ксения знала: ее мать в деревушке любили – за добрый нрав, за приветливость, за готовность понять, искренне посочувствовать, не помня в этот момент о себе, – не то что миссис Беркли, к которой в деревне любви никто не испытывал.

Но в минуту беды миссис Беркли решила во что бы то ни стало простереть свое великодушие и над Сандонами, и то, что их единственное дитя оказалось вдруг брошенным на произвол судьбы, каким-то непостижимым образом вдохновляло вдову.

– Что бы ты делала, – не упускала она момента шепнуть Ксении в самое ухо, – если бы я не приютила тебя? Не сделала своей компаньонкой? Не говоря уж об очень приличном жалованье, которое ты от меня получаешь! И ты его получаешь, заметь, почти не прилагая усилий!

Последнее замечание было в высшей степени несправедливо.

В должности компаньонки миссис Беркли Ксения падала с ног, выполняя все ее бесконечные прихоти с утра и до позднего вечера.

То и дело нужно было что-то куда-то переносить, уносить, отправлять какие-то сообщения – плюс ко всем тем бесконечным мелким услугам, какие должна была бы выполнять в доме горничная.

И, что хуже всего, Ксения часами была вынуждена выслушивать вьедливые замечания хозяйки не только в свой адрес, но и в адрес всех, с кем она была близко или отдаленно знакома. А перемыть косточки знакомым миссис Беркли очень любила – это было одним из очень важных для нее удовольствий. Ничто так не возвышает, как унижение других, усвоила Ксения этот, как она назвала его, «урок совершенства».

Да, миссис Беркли никогда и ничем не была довольна. Она поистине жаждала совершенства – во всем! Но только Ксения в порыве бунтарской самозащиты частенько думала: а ведь доведись миссис Беркли повстречать настоящее совершенство, вряд ли она бы его распознала, эгоистически сосредоточенная на себе, – даже несчастье Ксении она смогла обернуть себе в пользу.

Но сказать, что Ксения была несчастна, значило ничего не сказать. Ей выпало тяжелое испытание. Жестокая инфлюэнца, скосившая половину Англии в том злополучном году, не обошла стороной и их Литтл Кумб. Умерли многие заболевшие старики, умерли дети, не смогли одолеть болезнь и самые крепкие из трудяг. Редкая семья в их деревне осталась в полном составе, когда эпидемия отступила. Ксения в одночасье лишилась матери и отца.

Все это случилось внезапно. Ксения и осознать до конца не успела, что осталась одна-одинешенька – ни о ней некому позаботиться, ни ей о ком-то.

Миссис Беркли на крыльях заботы переселила ее в Беркли Тауэр, и, еще до того, как успели высохнуть ее слезы, Ксения обнаружила, что ей отдают приказы, а она марширует как новичок-рекрут под командованием офицера.

– Слезами горю не поможешь! – в паузе между перестуком колес назидательно провозгласила миссис Беркли очередную истину на тему единственно правильного поведения в трудных жизненных обстоятельствах. Она любила

порезонерствовать, полагая под этим блеск своего ума. И рецептов на все случаи жизни у нее было хоть отбавляй, как примет. – Жизнь научила меня тому, что нет смысла бороться с непоправимым – со смертью, к примеру, – проговорила она на сей раз. – Если уголек выскочил бы из камина продолговатый – это было бы к смерти, к гробу... А тебе выпал кругленький – ты не забыла? К богатству! – Удивительно, но и эту случайность она бессознательно пыталась обернуть собственным благодеянием в адрес Ксении.

И дама многозначительно помолчала, дабы сиротка Ксения поглубже усвоила наставление, оценила ее, миссис Беркли, ум, и властным тоном продолжила:

– Помни всегда – тебе необычайно, сказочно повезло, что я взяла тебя под свое крылышко! И в благодарность за это ты должна почитать за честь выполнять все мои просьбы.

Это было бы делать куда проще, мысленно отвечала ей Ксения, если бы в просьбах и указаниях была хоть толика здравого смысла. Но указания миссис Беркли менялись не просто день ото дня, а час от часу. Попытки себя защитить, предпринимаемые в отчаянии Ксенией, разбивались о частокोल очередных придинок и уму непостижимых упреков.

– Но вы же сами сказали мне сделать так! – призывая на помощь всю свою деликатность, напоминала Ксения забывчивой своенравной даме. Но куда там! Следовал очередной нагоняй с воздеванием рук к небесам – для пущей картинности лицедейства – и констатация полной безмозглости бедной сиротки.

– Забудь, что я тебе говорила! – с пафосом доходила до верхних октав миссис Беркли, и совсем недавно ставшие дряблыми щеки ее тряслись – аллегория «Гнев праведный», думала про себя Ксения, опуская ресницы, чтобы не встретить взгляда миссис Беркли, способного, по ощущению, поранить физически. – Когда это было? Теперь мне нужно совсем другое! – и в такт словам она притопывала ногой.

– Но вчера вы хотели все ровно наоборот... – робко возражала ей Ксения.

– Не много ли ты рассуждаешь? – заключительный притоп каблукком.

И все начиналось сызнова, бежало по кругу. Карусель из дурного сна. Иногда Ксения, снедаемая печалью и безысходностью, спрашивала себя: а может быть, она и в самом деле такая, как говорит о ней миссис Беркли? Упрямая, неловкая, недогадливая... Какая еще? Ах, тугодумка!..

А отец называл ее умницей. И от матери она не слышала за всю свою жизнь ни слова упрека. Так почему же сейчас?.. Почему? Что в ней не так?

Летели дни, проходили недели, месяцы – ответа Ксения не находила. И только спустя почти год пребывания на службе у хищной благотворительницы она вдруг нашла ответ: ее беда в ее красоте. Да, да! Чем острее миссис Беркли отмечает для себя ее, Ксении, внешнюю привлекательность, тем бо?льшую приписывает ей человеческую бездарность! Вот в чем все дело. Открытие обескуражило Ксению – она ничего не могла поправить, – но ей стало и значительно легче: она перестала подозревать в себе те пороки, которыми – а тут миссис Беркли была необычайно щедра! – награждала ее компаньонка.

Да, Ксения была очень красива. Она унаследовала внешность от матери. И на фоне окружающих ее сверстниц выглядела куда ярче и благороднее. При общей привлекательности, стати и стройности дело вершила порода. Была в ней и утонченность, и грация, и точность в каждом движении. Всего этого нельзя было не заметить. Каждый спешил сказать ей что-то приятное, сделать какой-нибудь комплимент. От этого губы миссис Беркли, если она была рядом, кривились, в выражении лица появлялась некая напряженность, что-то вроде протеста. Сейчас ей было за сорок, красотой она не блистала, но было видно, что в молодости она была хороша собой и привыкла быть в центре внимания. Конечно, ее не могло не нервировать, что Ксения притягивает к себе взгляды, оставляя ее, миссис Беркли, в тени. Какая женщина готова безропотно сносить подобное, особенно когда годы неумолимо приближают тебя к старости?

А Ксения задавалась вопросом: да что за прок от такой красоты, если в обыденной жизни от нее столько сложностей, столько простого житейского неудобства? Но восхищенный блеск в глазах какого-нибудь мужчины, пускай даже немолодого, почти старика, приносил ей иной раз утешение. Возможно, однажды ее кто-то полюбит, захочет связать с нею жизнь, и тогда она упорхнет из этой клетки, где ее – да, сытно! – кормят, не испытывая при этом ни сердечной привязанности к ней, ни теплоты в душе.

Никакой благодарности к миссис Беркли Ксения тоже не испытывала, как ни старалась. Каждый день все одно и то же! От одного этого голоса – его обладательница призывала, сетовала, досадовала – снова и снова, еще и еще – у Ксении начинала кружиться голова. И по контрасту она не могла не вспоминать всякий раз, как ей жилось с отцом и матерью дома. Как это было не похоже на ее теперешнее унижительное существование подле спасительницы с разрушительными наклонностями!

В их маленьком скромном домике, крытом соломой, было всегда очень тихо и очень уютно. Пожалуй, ни в каком другом доме в их деревушке Литтл Кумб не царил такой атмосферы сердечной любви и привязанности родных друг к другу. Вся домашняя обстановка, со всеми ее безделушками и мелочами, казалось, была пропитана душевным благорасположением членов семьи друг к другу.

– Что ж, здесь почти можно жить! – сдержанно констатировала сама миссис Беркли, перешагнув порог их жилища после похорон и обводя цепким взглядом доселе незнакомое ей место.

Предметов в комнатах было совсем немного, но все они были хорошего качества и куплены явно не враз, а старательно собирались долгие годы один к одному. Ничто здесь не выбивалось из общего ряда, ни один предмет не противоречил другому. Миссис Беркли нашла в себе силы оценить и добротность мебели, и ухоженность утвари, и чистоту, и что-то еще – ей непонятное, но привлекающее. Например, кое-где были развешаны черно-белые рисунки лошадей, выполненные уверенной рукой, – лошади вскачь, пасущиеся лошади, лошадиные морды с их выразительными глазами. Хотелось остановиться перед каждым рисунком и долго всматриваться в каждый штрих, в каждый росчерк, сделанный рукой художника – безусловно, любителя, но очень талантливого. Привлекали взгляд салфетки и скатерти с вышивкой: белой нитью по белому – это выглядело изысканно и благородно.

И все же Ксению уязвляло высокомерно-снисходительное отношение миссис Беркли к себе и к скромному быту своей семьи – уязвляло значительно больше, чем придирки, упреки и недовольство по повседневным рутинным поводам.

Как часто она была на грани того, чтоб рассказать этой несносной тиранке всю правду о своей матери и увидеть ее реакцию! Но рассказать все – значило бы нарушить данное обещание. И Ксения хранила молчание. Вспоминала.

Вспоминала одно из самых значительных событий своей жизни. Тот первый на эту тему разговор с матерью.

Ей было четырнадцать. В один из дней – она и мать были заняты одним делом, шили себе новые фартучки с пелеринкой – миссис Сандон ей сказала:

– Доченька, я уверена, ты задумывалась, почему я ничего тебе не рассказываю о моих отце и матери и других членах семьи.

Ксения не успела ответить, как мать продолжила:

– Родня твоего отца живет на севере Англии. В живых из них мало кто и остался, рассказывать почти нечего. Но вот моя семья... О ней ты должна знать все. Ты тоже принадлежишь к этой семье.

– В самом деле, мама! – очнулась вдруг Ксения. – Почему ты мне никогда ни о ком не рассказывала? Да, я задумывалась об этом! Но не решалась докучать расспросами. Или пыталась спросить, но ты уклонялась от разговора, а я не настаивала. Думала, придет такой день, и ты мне расскажешь обо всем сама.

– Верно. А молчала я потому, что мое прошлое – это тайна для всех. И тайной оно и останется, Ксения. Ты должна мне пообещать, что никогда никому не расскажешь о том, что услышишь сейчас.

– Но почему, мамочка? – Ксения не могла удержаться на месте и вскочила на ноги, пританцовывая. – Ой, как все интересно... Но почему, почему это тайна? От кого нам ее хранить? Моим подругам я завтра же...

Мать улыбнулась, глядя, как дочь в нетерпении теревит дрожащими пальцами оборки недошитого передника, и тихо сказала, скрывая нотки лукавства в голосе:

– Никаких подруг, слышишь? Я и твой отец – беглецы. Ясно? Мы сбежали от всех, чтобы быть вместе. Я разорвала все связи не только с родителями, но и с сестрой. А мы с ней – близнецы.

– Ма-а-а-ма?!

Лицо Ксении застыло от изумления.

– Так ты сбежала из дома? Ма-а-ама! Вы с папой от всех скрывались? Вас искали, преследовали? – Она чуть не захлебывалась от восторга – романтические картины погони сменяли в ее голове одна другую. – Вот это да! Как же вам все удалось? А ты ничего не придумала?

– Нет, я ничего не придумала, – с улыбкой ответила мать, прочитывая по лицу дочери ее бурные чувства. – Да, все очень, очень романтично, Ксения, и я никогда об этом не пожалела, ни разу, ни полразочка! – Она защемила кончик мизинца и раскатилась легким залиvistым смехом. – И это было не только самое мудрое мое решение, какое я приняла в жизни, но и то, что сделало меня самой счастливой на свете! Я говорю очень серьезно, ты понимаешь? – Ее лицо светилось, ямочки на щеках играли и были убедительнее всего, были самым главным и безошибочным доказательством ее счастья: они за столько лет не сгладились, не исчезли.

Ксения, вспоминая о матери, чаще всего вспоминает ее в тот самый миг – ее мизинчик, эти вот ямочки, легкий звенящий смех... Смех женщины, счастливейшей из живущих.

То, что отец и мать были счастливы, не вызывало сомнений. Достаточно было взглянуть на мамино лицо, когда появлялся отец, и на его глаза, когда он видел ее, подметить, как их взгляды встречаются, чтобы сказать со всею уверенностью: эти двое живут в своем особенном мире, блаженном мире любви и взаимного обожания.

– Я знаю, что ты родилась в Европе! – с игривым вызовом объявила матери Ксения.

– Откуда ты это знаешь? – Миссис Сандон насторожилась.

Ксения рассмеялась.

– Да не волнуйся ты так! Просто все всегда говорят мне, что у меня волосы, как у тебя и у австрийской императрицы, а еще говорят, что в наших жилах должна течь венгерская кровь! Вот прямо так и говорят.

– Что ж... То и другое верно, – тихо ответила миссис Сандон, поглядев на дочь исподлобья.

– Тогда расскажи... расскажи мне все, мама! Обещаю, я никому не скажу ни слова! Ни-ко-му! Ни-ко-гда! – Ксения была так трогательно торжественна и серьезна, что мать не могла сдержать улыбки: нежные губы ее приоткрылись, обнажив полоску жемчужно-белых зубов.

– Ну что ты все улыбаешься, мамочка? Ты мне не веришь?

– Что ты, доченька, я тебе верю... А улыбаюсь я просто так – могу я улыбнуться собственной дочери? Вон ты какая у меня выросла – красивая, стройная...

– Мама, я это все слышу и от людей. Каждый день! По несколько раз. А ты расскажи мне про все остальное.

Миссис Сандон вздохнула. Мгновение помедлила. Тонкими пальцами поправила прядь волос, упавших на лоб. Прижала запястья к покрасневшимся вдруг щекам. И объявила:

– Мой отец – твой дед – король Словии Константин.

Ксения судорожно вздохнула, отступила на шаг, всплеснула руками – и не нашлась что сказать. Все, что угодно! Но не такое... Губы ее чуть дрогнули, но так и остались слегка приоткрытыми – только влажно поблескивала полоска таких же, как и у матери, белых ровных жемчужин.

– Это правда, – добавила миссис Сандон все с той же улыбкой, догадываясь о состоянии дочери.

– Точно правда, не сказка? – недоверчиво спросила Ксения, руками обхватив плечи, точно на нее накатил озноб.

- Нет, не сказка, чистая быль.

- Тогда почему у тебя нет титула?

- Это как раз то, что я хочу тебе объяснить, моя дорогая. Ты должна это знать. Я отказалась от всего, когда сбежала с твоим отцом...

Ксения сделала несколько беспокойных шагов по комнате, сцепила перед собой пальцы, такие же тонкие, как у матери, и молча ждала продолжения. Только бросила на мать вопросительный взгляд. Та, опустив глаза, повела речь дальше:

- Ох, если б такое было возможно и ты могла бы увидеть своего отца, когда он впервые появился у нас во дворце! В военной форме - он был в ней просто неотразим: как это часто бывает, форменная одежда очень идет мужчинам! Но мое сердце остановилось. Я потеряла голову с первого взгляда. Я почувствовала в нем не просто солдата, выполняющего приказы, а разглядела в выражении его лица душу поэта - не буквально пишущего стихи, а воспринимающего мир поэтически. Это меня покорило вконец. Как оказалось потом, он прекрасно рисует, с детства хотел быть художником, но отец заставил его стать военным. Это, по его мнению, было настоящим мужским занятием, а не каким-то там бумагомаранием, как это ему представлялось. Но не все, к чему нас вынуждают, имеет успех. Впрочем, наша с ним встреча случилась благодаря его сыновнему повиновению.

- И он в тебя тоже влюбился вот прямо так сразу? - Ксения затаила дыхание.

- В одно мгновение! - быстро ответила миссис Сандон и слегка закусила губу. Нежный румянец со щек опустился на ее шею и грудь - мама была похожа сейчас на свежую розу, Ксения смотрела на нее и не могла наглядеться, такой красивой она маму еще не видела.

- А что он тебе говорил?

- О, сначала молчал... А потом - говорил, что от меня будто исходит сияние. И что он долго искал такую, как я, и вот нашел!

- Он сразу сказал тебе о своих чувствах?

– Не сразу, – спокойно ответила мать. Ее взгляд стал рассеянным, отрешенным, в выражении лица появилась расслабленность. Она была там, далеко, в своем прошлом. Ксения это почувствовала и не торопила ее. – Нам было трудно соединить наши жизни, но мы справились. Как только мы посмотрели друг другу в глаза и его рука прикоснулась к моей, слова были уже не нужны: мы знали, что принадлежим друг другу.

– Как красиво... А дальше? Что было дальше? – негромко спросила Ксения, обмирая.

– Мы боролись с нашими чувствами.

– Что-о-о? Боролись... с чувствами? Но зачем? Зачем? Вы же полюбили друг друга! Как вы могли с этим бороться? – Ксения снова вскочила.

Мать взяла ее за руку.

– Сядь, пожалуйста. Успокойся. Все не так просто. Чувства – это еще не все. Есть еще разные обстоятельства.

– Как же так? А я думала...

– Ты все правильно думала, дочка. Но есть много других вещей, которые нам с твоим отцом приходилось учитывать. Мы знали, что наши чувства и наши поступки вызовут не просто протест моих близких, не такой взрыв эмоций, какой случается сплошь и рядом в семьях, где дети действуют наперекор воле родителей, а потом всё успокаивается и входит в свои берега. Негодование моих родителей – это видимая всем их позиция на долгие годы. Ведь я оскорбляла аристократическое представление о порядке и добродетели, дав волю своему сердцу. Посягала на незыблемое и святое – на свой долг принцессы, которая должна поступать сообразно дворцовым устоям.

– То есть твой отец, король, счел бы папу неподходящей парой, если бы ты ему сразу сказала, в кого ты влюбилась и за кого хочешь идти замуж? – важно спросила Ксения. В ее голосе прозвучали взрослые нотки, и миссис Сандон опять улыбнулась.

- Он и мысли такой не мог допустить! - кивнув, ответила она дочери.

- Но как папа попал во дворец?

- Он приехал в Словию в числе одного из адъютантов английского генерала, который прибыл с военной миссией.

- Да вы просто чудом встретились! - ахнула Ксения. - А дальше, дальше?!

- Нам помогла моя сестра. Мы же были похожи как две капли воды! Если бы не она...

- О! Так у тебя есть сестра?! Но про сестру-то ты могла бы и раньше мне рассказать! - огорчилась Ксения с укоризной.

- Поверь, что нет. Как я могла рассказать о ней - и не рассказать всего остального?

Вздыхнув, Ксения присмирела.

- А ты была еще не готова узнать так много всего необычного. Не каждая, знаешь ли, семья имеет такое начало, как наша, я говорю о нас с папой... Но если бы ты знала, как я хотела, чтобы ты узнала о нас все! Чтобы мы могли поговорить по душам! Мне так этого не хватало! - Миссис Сандон сделала круг по комнате, собрала в узел пышные рыжие волосы, рассыпавшиеся по плечам, и обернулась к дочери. - Близнецы - это самая тесная родственная связь из всех возможных! - очень серьезно произнесла она, и голос ее чуть дрогнул. - Хотя я и любила без памяти и продолжаю любить твоего отца, частичка меня осталась с сестрой, с Доротиной!

- Какое красивое имя! До-ро-ти-на... - мечтательно произнесла Ксения. - Но мне всегда очень нравилось твое, мама... Лилла! Как колокольчик звенит. И ты так смеешься, как звенит колокольчик.

- Выдумщица ты моя!

- Нет, не выдумщица, а так все и есть!

– Ну хорошо... Но я хотела здесь, в Англии, зваться Лили, но твой отец мне не позволил. Он сказал, я только Лилла – и никакая я не Лили! А ты знаешь – я всегда все делаю так, как он того хочет. – Миссис Сандон склонила голову набок и выжидающе посмотрела на дочь.

– И он всегда все делает так, как ты хочешь! – весело рассмеялась Ксения.

– Мне очень, очень повезло, – мягко произнесла миссис Сандон, смущенно потупившись. – Я поняла, что в любви совсем не важно быть всегда во всем первой и любой ценой стоять на своем. Гораздо приятнее быть второй и знать при этом, что твой супруг это ценит и тебе за то благодарен. Но даже если он этого не замечает, а ты сама выдвигаешь его вперед себя – это делает союз двоих крепче. Да и это просто приятнее – жить в согласии и не ссориться.

– И ты не жалеешь, что оставила дворец, семью, всех родных?

– Я всегда очень скучала и скучаю по Доротине, – уклончиво ответила мать. – Но мне тяжело думать о моих родителях. Они вычеркнули меня из своей жизни, будто меня у них не было.

– Да как же так? – Ладони Ксении возмущенно сжались в два маленьких кулачка.

– У них на это были все основания! – рассудительно отозвалась миссис Сандон. – Я ведь не только влюбилась в человека незнатного рода, но и отказалась от очень выгодного союза, который они для меня готовили и который, по их мнению, был бы чрезвычайно выгодным для страны. Когда-то в свое время они и сами вступили в брак, руководствуясь соображениями государственной выгоды. Но смогли полюбить друг друга. Только, я думаю, им повезло – не всегда в таких браках приходит любовь. Видишь, как все непросто?

– Я догадывалась, что королевские браки совершаются по уговору! Но чтобы вопреки протесту невесты или жениха... – Ксения сдвинула брови.

– Да, так. Это так называемые династические браки, когда соединяются – женятся или выходят замуж – невесты и женихи из правящих династий разных государств. Вот в России, например, был такой царь – Ярослав Мудрый. Давно это было, очень давно, девятьсот лет тому назад. Сам он женился на дочери

шведского короля. Сестру свою отдал в жены польскому королю Казимиру. Сын Ярослава – Изяслав – взял в жены сестру Казимира Гертруду. Дочь Ярослава Анна вышла замуж за французского короля Генриха Первого. Другая его дочь стала королевой Венгрии. Третья дочь стала женой норвежского принца! Видишь, как укрепилось положение Руси среди других государств в Европе? И все только благодаря династическим бракам. Так что не случайно этого царя Ярослава прозвали Мудрым. Но браки не всегда оказываются несчастливыми, даже если поначалу им не сопутствует любовь, я тебе уже говорила! – добавила миссис Сандон с улыбкой. – Я знаю такие случаи. Вот, к примеру, вторая жена русского царя Петра Великого – Екатерина Первая. По рождению она из латышских крестьян, в семнадцать лет ее отдали замуж за шведского драгуна. А через два дня после свадьбы муж ее ушел на войну и пропал без вести – шла Великая Северная война русских со шведами, русские наступали. Царь Петр заметил эту молодую особу и сделал своей женой. Их брак можно назвать счастливым. Царь Петр Великий даже учредил в честь любимой жены награду – орден Святой Екатерины. Мне все это отец рассказывал, когда я была совсем юная. Но считается, что у королевских невест в принципе не должно быть других чувств и желаний, кроме чувства долга по отношению к своей стране.

Она горько засмеялась и уронила руки вдоль тела.

– О, Ксения, как мне тебе объяснить, насколько это другое – быть замужем за любимым и знать, что меня любят за меня саму и больше не из-за чего другого.

– А папа должен был оставить свой полк?

– Разумеется, – кивнула миссис Сандон. – Мы наделали столько шуму! Такой разразился скандал! Подобное не так-то легко сходит с рук в высших кругах. Но всё это как-то сгладили, насколько было возможно. Английский адъютант сбежал с королевской дочкой! Дело немыслимое! Думаю, это весьма сотрясло весь дипломатический корпус.

Ксении стало смешно.

– Никогда бы, ха-ха-ха, не подумала, что одно сердце влюбленной девушки может сотрясти целый дипломатический корпус! Я еще понимаю – взбесить родителей этой девушки...

Миссис Сандон тоже развеселилась.

– Видишь ли, при дворе свои правила – и правила очень строгие. Важно все! Особенно – аристократические корни, знатность рода. Так что мне и твоему отцу пришлось просто исчезнуть. Это было лучше и проще для всех. Что нам еще оставалось делать, если мы решили быть вместе – всю жизнь? Ведь невозможно такое, чтобы офицер неродовитого происхождения стал членом королевской семьи! – Миссис Сандон развела руками.

– А почему вы выбрали Литтл Кумб?

– Твой отец знал это место давно. Еще до того, как мы познакомились, он ездил в отпуск сюда с одним своим полковым другом, тот родом из этой деревни, но сейчас он живет в Бодмине, это тоже здесь, в Корнуолле, не так далеко от Труро, ты должна знать. А когда мы приехали сюда вместе с твоим отцом и я увидела эту деревню – такую красивую, – а потом, спустя недолгое время, и весь Корнуолл – такой изумительный, цветущий, бескрайний, с его небом и морем, и наш маленький дом в Литтл Кумб, окруженный кустами гортензий... Я много месяцев не могла налюбоваться тем, что я здесь вижу! Мне казалось, я очутилась в раю! – Миссис Сандон выглянула в окно, словно бы убедиться, что за стенами дома и вправду рай.

А за стенами дома – он был крайний в деревне, и вид из окна не закрывали другие дома и садики с неперемной ухоженной кустарниковой растительностью вдоль стен и вдоль каменной кладки заборов – были поля: разных оттенков зеленого или песочного цвета, небольшие, с непрямыми границами, в виде «заплат», окаймленных рошицами и длинными перелесками – полосами древесных зарослей. На этих «заплатах» паслись где коровы, где овцы, где лошади, а иные были пусты – отдыхали, или на них отрастала трава для будущего сытного выпаса. Всё это выглядело очень уютно, как всё сотворенное заботливыми руками, – и вместе с тем как-то изящно, несмотря на то, что работали тут земледельцы и скотоводы. Но особую неповторимость придавали пейзажу отдельно стоящие среди полей деревья – с сильной ветвистой кроной, толстым стволом и густой листвой – очень красивые и величественные. Они стояли здесь как хозяева или стражи, как некие живые существа со своею собственной историей и судьбой. Ни одна пила лесоруба за многие десятки лет не покушалась на эти святыни – возможно, еще помнящие отголоски передаваемых из уст в уста поверий и песен древних кельтов под своими ветвями. Население в этих благословенных краях жило с природой в

тесном содружестве и словно брало у нее свои блага взаймы – и честно их отдавало, не пуская в бездумный расход ни травинки, ни веточки, ни кусточка, оберегая при том во множестве жизнь лесных и полевых тварей, а не только свою.

Миссис Сандон долго молчала. Ксения ее не торопила.

– Но когда влюбишься, моя милая доченька, – заговорила мать снова, – ты поймешь, что в жизни важно только одно: быть с тем, кого любишь, и заботиться только о нем. Все остальное – приличия, правила, даже место, где ты живешь, – не имеет значения. Тем более – если речь идет о богатстве... Если делишь его не с тем, кого любишь, счастья оно не приносит.

– Уверена, папа думает точно так же!

– Да, он думает так же, хотя и сожалеет – совершенно напрасно, как я его искренне уверяю! – обо всех тех удобствах и дворянских привилегиях, какие были бы у меня в Словии и каких он не может мне здесь предложить.

– Так, значит, мы всегда жили так бедно лишь потому, что вы с папой сбежали? – Ксения потерла кончик носа – он вдруг зачесался. Она чихнула.

– Именно так, милая, но меня никогда это не волновало. Однако я бы хотела дать тебе настоящее благородное воспитание... Ведь неизвестно, как сложится твоя жизнь, и надо быть к ней готовой.

– Мама, но мне с вами так хорошо! – серьезно ответила Ксения, шмыгнув носом. – Я могу ездить с папой верхом – он мне столько рассказывает про лошадей! И я очень люблю смотреть, как он рисует. С ним так интересно! Он много всего знает и про растения, и про землю, и про лесных птиц и мелких зверьков. Мы столько смеемся... А у тебя я набираюсь ума-разума – и всего-всего, что ты умеешь делать руками! А сколько ты мне всего рассказываешь! Ты же столько знаешь – ты у меня такая умная, мамочка! И наш Литтл Кумб я очень люблю. Да мне очень, очень повезло с вами – с тобой и с папой, что вы у меня такие – самые мои любимые и независимые!

Миссис Сандон растроганно притянула ее к себе и поцеловала.

– Это именно то, что я хотела от тебя услышать.

– Как у нас все необыкновенно! – Ксения обняла мать за талию и уткнулась лбом ей в плечо. – Но почему же твоя сестра... Доротина... почему она тебя не искала? Вы близнецы... Как это интересно – каждый день видеть перед собой саму себя! И не в зеркале, а наяву! Она, наверное, так по тебе скучала! Она же перестала тебя видеть! Это как потерять половину себя!

– Я знаю, что Доротина по мне скучала. Но не было никакой возможности, чтобы она поддерживала со мной связь вопреки воле отца. Да и как бы она нашла меня здесь, в Литтл Кумб?

– А ты сбежала и ей не писала?!

– Конечно, нет! Я не могла ставить ее под удар. Я знала, мое письмо ее очень обрадует, но и причинит ей неудобства. Прежде всего моральные – представь себе, что бы она почувствовала, получив от меня весточку! А отвечать на письмо – ей бы очень хотелось этого! – значило бы тоже нарушить отцовскую волю.

– Да... Ты права... А она вышла замуж?

– Да. Как-то я увидела в газете объявление о ее помолвке с эрцгерцогом Фридрихом Прусским – через год после моего бегства из Словии.

– Эрцгерцог – должно быть, человек о-очень знатный!..

– Это тот человек, которого мой отец прочил мне в мужья, – ответила мать. – Но, ручаюсь, ни за что на свете я не хотела бы оказаться на месте моей сестры Доротины.

– А дети у них... у тети Доротины... есть? – с любопытством спросила Ксения.

– Не знаю, – печально ответила миссис Сандон. – Видишь ли, английская пресса не слишком жалуется мелкие балканские государства, чтобы писать о них все подробности. Иногда они вскользь упоминают Словию, и вот два года назад я узнала, что наша мать скончалась.

– А отец жив?

– Да, но он стар, и в последних новостях говорилось, что нездоров. Думаю, он мог приезжать в Англию по делам государственным, но, похоже, он слишком слаб, чтобы покидать пределы дворца.

Ксения выдохнула:

– Как это трудно – представить, что ты дочь короля, мама...

– Ох, я об этом давно забыла! И ты тоже должна забыть, – с нажимом проговорила миссис Сандон.

– Ну уж нет, нет и нет! Я совсем не хочу забывать, что ты дочь короля! А я... – она упрямо тряхнула рыжими, как у матери, волосами, – я хочу об этом помнить. Всегда. Теперь-то я знаю, почему ты держишь себя с таким достоинством! Почему в тебе столько... как его... шарма! И почему папа дразнит тебя насчет твоего аристократического профиля. Он ведь часто подтрунивает над тобой, а? Признавайся!

Ксения вскочила и подбежала к зеркалу.

– Нос у меня такой же, как у тебя, смотри какой ровный! – Она потеревила кончик. Миссис Сандон наблюдала за ней. Она откровенно любовалась дочерью. И понимала, что дочь – точная ее копия: такой она и была в свои юные годы. – И вообще, я очень похожа на тебя: волосы – рыжие... глаза – зеленые... А вид у меня – тоже аристократический, – не унималась Ксения.

– Надеюсь, ты всегда будешь вести себя так, как подобает особе королевской крови, – сдержанно ответствовала миссис Сандон. – Это означает быть гордой и смелой, тактичной и внимательной к окружающим.

– То есть быть такой же, как ты! – согласно кивнула Ксения. – Я попытаюсь, мама. И я такой буду, честно. Все это так здорово!

– На самом деле не очень, – со вздохом ответила миссис Сандон. – И помни, Ксения, никому ни слова о том, кто я такая. Мой отец и моя мать, когда была

жива, вели себя так, будто я умерла. Пусть для всех, кто меня знал, так и будет.

Голос матери дрогнул, и Ксения, расчувствовавшись, подскочила, чтобы обнять ее.

– Ну что ты, что ты, мама! Мамочка, родная, милая, самая красивая и умная мама! – быстро и горячо зашептала она, пряча лицо у матери на груди. – У тебя есть папа и я, и мы тебя очень, очень любим! Ты для нас самая главная, ты для нас – первая! Слышишь? И всегда такой и была.

– Ах ты, чуткая моя девочка! – сдержав подступившие слезы, сдавленным голосом ответила миссис Сандон. – И поверь, Ксения, куда лучше жить в любви и согласии, но с небольшим недостатком, чем в самом богатом дворце, но среди равнодушных к тебе людей, кому невдомек, что делается в твоём сердце, кому безразлична твоя душа.

Как же вспомнились Ксении эти слова, когда она попала в роскошный особняк Беркли Тауэр – мать говорила ей сущую правду: когда нет ни любви, ни понимания между людьми, жить им совсем не радостно.

– Бог мой, ветреница, да где тебя носит! – фырчала в очередной раз миссис Беркли, когда Ксения приносила ей какую-то вещь по ее требованию, а вещь эта пряталась неизвестно где.

– Она была на самом верху, на чердаке, в куче разного хлама, – искренне оправдывалась Ксения. – И чтобы ее найти...

– Да тебя, дорогая, только за смертью и посылать! Сколько времени ты прокопалась? – недовольно отвечала ей миссис Беркли. – В твоём возрасте можно быть попроворнее! По лестнице можно и бегом взбежать. И бегом же спуститься.

Ксения хотела было сказать какие-то слова в свою защиту, но промолчала. Какой прок в оправданиях? Тем, кто прав, все равно окажется миссис Беркли. И отыщет изъян во всем, что сделает Ксения, как бы она ни старалась. Ведь, случалось, миссис Беркли выговаривала ей за то, что она носится вверх и вниз по

ступенькам, подавая этим дурной пример слугам...

Ночью, лежа в просторной, удобной спальне, которую ей предоставили в Беркли Тауэр, ибо спальня эта соседствовала со спальней хозяйки и миссис Беркли в любой момент могла потребовать к себе компаньонку, Ксения скучала по своей домашней крохотной спальне со скошенным потолком.

Там, за оконными створками, выглядывавшими из-под соломенной крыши, ей казалось, что мир вокруг полон солнца и радости.

И вдруг – ничего не стало. Она помнит ту спальню, но забыла о радости, забыла о солнце. Где это все? Она совсем одна в недобром к ней, холодном, враждебном мире...

– Да ты не слушаешь меня, голубушка! Изволь наконец отвечать! – как сквозь вату, донесся до нее голос распалившейся от возмущения миссис Беркли.

– Простите, простите, – скороговоркой пробормотала Ксения, очнувшись от воспоминаний. – Эти колеса так сильно стучат, такой стоит шум в ушах, я просто...

– Я говорю о ручном багаже! В третий раз, дорогуша, заметь! В Дувре нужно будет проявить особую бдительность! На всех вокзалах полно воров! И я не хочу, чтобы, пока ты витаешь в облаках, кто-то прибрал к рукам мои вещи. В Дувр приезжает столько иностранцев, а что касается их... – миссис Беркли не закончила фразы, но лицо ее выражало все, что она хотела сказать о жителях континентальной Европы.

– Я буду очень внимательна, – виновато пообещала Ксения.

– Надеюсь. – Миссис Беркли поджала губы и посмотрела в окно. – В конце концов, мне стоило немалых денег оплатить тебе эту поездку со мной!

– Понимаю. – Ксения смиренно потупила взгляд. – И я вас уже благодарю за это. Благодарю еще раз, миссис Беркли!

– Да уж! И что мне твоя благодарность? – Миссис Беркли махнула рукой. – Одно только твое платье мне влетело в круглую сумму. Однако я не могу возить с собой компаньонку одетой, как уличная попрошайка.

Это не было правдой! И это было так оскорбительно слышать! В лицо Ксении ударил румянец, но она научилась не отвечать на подобные унижения.

Миссис Беркли изощренно высмеивала те платья, какие носила Ксения, пока не начала жить в Беркли Тауэр. Платья были из недорогой ткани, но шила их Ксении мать, а вкус у нее был безупречный, фантазия – неисчерпаемой, руки – на зависть самой умелой портнихе. И эти платья чрезвычайно шли Ксении – обе они, мать и дочь, очень радовались каждой такой обновке, а отец по-доброму над ними посмеивался: «Мои милые обезьянки!»

Миссис Беркли купила ей несколько строгих черных нарядов, но через пять месяцев траура велела избавиться от всех черных вещей.

– Мне не нравится этот цвет! – тоном, не терпящим возражений, объявила она. – Кроме того, в черном ты выглядишь театрально. Антигона! Медея! И это при твоей-то анемичной коже, да с такой вызывающе огненной шевелюрой. Что-то надо делать с тем, как ты выглядишь. Пожалуй, я возьмусь за тебя всерьез!

Размышляя, почему миссис Беркли ассоциирует ее с Медеей и Антигоной – они не обязательно должны носить только черное! – Ксения послушно и в глубине души с радостью стала носить свои прежние платья. Наверное, черное – это личные ассоциации миссис Беркли в отношении античных трагедий, решила Ксения. Но Антигона – это и символ любви к родителям, а Медея, кроме всего остального, – волшебница... Что ж, это совсем не обидно... Но спорить Ксения не взялась, промолчала, углубившись в то, что рассказывала ей мать об античности – а рассказывала она ей очень многое. Однако миссис Беркли не унялась – стала насмешничать еще больше, а потом одно за другим принялась покупать ей платья – одного цвета, другого, всяких оттенков – взамен всего старого, шитого Ксении мамой. И, разумеется, требовать благодарности за заботу о «гардеробе сиротки, ты только взгляни на эту цветочную клумбу!».

Ксения хорошо понимала, почему и эти новые платья не оставляют в покое хозяйку. А как могло быть иначе? Они подчеркивали цветущий вид молодой кожи – Ксения выглядела как нежный майский цветок независимо от того, что

было на ней надето.

– Ей досталась и твоя удивительная кожа, любимая! – сказал однажды отец ее матери, не зная, что Ксения близко и слышит их. – Тебя коснешься – и ощущение, что будто гладишь или целуешь цветок магнолии...

Платья, на которых после долгих и мучительных переборов миссис Беркли все же остановилась (сколько денег она на них не пожалела!), были на редкость унылыми, чем обрадовали ее, но цвет волос Ксении был необорим.

Это был тот огненно-рыжий цвет, каким то и дело вспыхивают полотна Тициана и какой вообще так любят многие из художников, – цвет волос австрийской императрицы Елизаветы на ее портрете кисти Винтерхальтера...

– А у нас есть какие-нибудь общие корни с самой красивой королевой в Европе? – спросила Ксения мать во время того долгого разговора.

– Она моя дальняя родственница, – ответила ей миссис Сандон. – И в тебе тоже течет венгерская кровь. – Миссис Сандон улыбнулась: – Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты выучила и немецкий язык, и венгерский?

– И, может быть, я однажды поеду в Словию, мама!

– Если это случится, знание языков тебе будет необходимо. Мы – смесь нескольких наций. Но мы смешали и языки. Так что многие слова – немецкого происхождения, другие – венгерские. – На ее лице появилось ностальгическое выражение. – Мой отец был весьма озабочен тем, чтобы мы с Доротиной хорошо знали близкие языки и могли общаться с соседями. Помню, как-то нас навещал лютенийский король. Его восхитило, что я и сестра могли свободно изъясняться с ним на его языке.

– Мне кажется, я никогда не буду говорить так же свободно, как ты, мама.

– Будешь, дочка, если захочешь! Конечно, трудно выучить язык в совершенстве, если ты никогда не была в той стране, где он всем родной, – ответила миссис Сандон, – но со временем ты поймешь, что если знаешь немецкий, французский

и венгерский, и, пожалуй, немного греческий, то будешь легко говорить на всех балканских языках. У нас дома есть книги на разных языках – не так много, но ты начни их читать, а я помогу тебе с грамматикой и произношением.

И Ксения засела за языки, хотя раньше была уверена, что ей вполне хватит английского. Отец-англичанин не возражал, чтобы она занималась немецким, венгерским и прочими языками, и дело пошло.

Наедине с матерью по-английски они не разговаривали, а всегда на каком-то другом языке – из тех, что старательно штудировала внучка короля Константина, о которой тот знать не знал.

А вскоре Ксения стала мечтать, что когда-нибудь, накопив денег на самое скромное путешествие, она поедет в Словию и в другие балканские страны, о которых рассказала ей мать. Хоть издали – а, возможно, повидает своих родных.

Теперь она была на шаг ближе к мечте – миссис Беркли взяла ее с собой во Францию, и они должны будут проехать через всю страну с севера на юг, чтобы попасть в то место, где ждет миссис Беркли ее подруга, гостеприимно предложившая ей погостить у нее нынешним маем! Это место – Прованс. Миссис Беркли рассказывала Ксении, как там красиво. Это не на самом берегу моря, но в достаточной близости от него. Окрестные холмы покрыты виноградниками и оливковыми и дубовыми рощами. А в мае там все цветет. И особенно знаменит Прованс лавандой.

– Но ты, по всей видимости, не говоришь по-французски, – незадолго до намечающейся поездки спросила ее хозяйка. Спросила утвердительным тоном, с оттенком собственного превосходства по части безусловного знания французского языка и Франции как таковой: дед ее мужа по материнской линии был француз, и во Франции жила его многочисленная родня, отличающаяся крепкими связями друг с другом, – миссис Беркли называла это чувством клана. Они привечали миссис Беркли во время ее нередких поездок на галльскую землю, она эти поездки очень любила и всегда обновляла себе гардероб, дабы предстать среди родственников и их знакомых в наилучшем галантерейном виде. Старания не пропали даром. Не очень давно, но порядочно для того, чтобы принять столь ответственное решение, у миссис Беркли наметился брак на континенте – друг детства дальнего родственника ее покойного мужа, некий

виконт Беретон, не так давно овдовевший, очень ею заинтересовался, и миссис Беркли с воодушевлением – когда на нее снисходило благодушное настроение – не скрывая тщеславия, рассказывала Ксении о своих амурных успехах, чрезвычайно ими гордясь («но ты, милочка, еще так далека от того возраста, когда внимание мужчины будет придавать тебе жизненных сил!»). У мосье Беретона свои виноградники – обедневший дворянин решил попробовать себя в коммерции и преуспел, виноградарство его затянуло, и дело пошло... так что... если соединить их винодельческие доходы по одну сторону Ла-Манша и доходы от рационального использования земли в имении Беркли Тауэр – по другую... То... Эту часть рассуждений миссис Беркли, да простится ей, Ксения слушала не слишком внимательно, и, может быть, очень напрасно: видимо, сказались гены отца, не проявлявшего большой практичности по части приумножения семейных доходов.

А вот французские книги в книжном шкафу миссис Беркли Ксения тайком от нее почитывала, когда удавалось выкроить ночью два-три часа и если у нее оставались на это силы.

Так что на вопрос миссис Беркли о знании ею французского языка Ксения заметно разочаровала свою культурную благодетельницу на выданье, ответив не без легкой гордости, каковую она прятать не пожелала, как бы того ни требовали ее внутренние правила самосохранения, выработанные за месяцы близкого общения с миссис Беркли:

– Я читаю по-французски и говорю по-французски! – с достоинством сказала она, и тон ее был на грани вызова, но самую чуточку.

– Не может быть! В самом деле? – Тонкие брови миссис Беркли взлетели вверх. – Ах, ну конечно! Как же это я сразу не сообразила? Ведь ты не чистокровная англичанка. Вне всякого сомнения! Ни твоя покойная мать не была похожа на англичанку, ни ты не похожа.

На комплимент это не походило. Ксения густо зарделась и со всем безрассудством молодости бросилась защищаться:

– Да, мама не была англичанкой! И что из того? Она приехала в Литтл Кумб с Балкан... и... а это... а вы знаете...

– О, Балканы! – по счастью прервала ее миссис Беркли, причем это название прозвучало в ее устах совсем безнадежно.

Боясь потерять над собой контроль и сболтнуть лишнего, Ксения благоразумно поспешила переменить тему:

– Наверное, в Провансе уже настоящее лето?

Не вслушиваясь в ответ – последовала обстоятельная лекция миссис Беркли о погодных условиях Франции в разные месяцы года в разных ее местах, – Ксения размышляла: интересно, что бы сказала ей мама, узнав, что ее дочь едет во Францию и проживет некоторое время в Провансе? А главное, что бы она ответила на вопрос, как ей вести себя при миссис Беркли с ее родными, – вот что самое важное. Ксении иногда очень хотелось поговорить с кем-то на равных, но было не с кем. Может ли она себе такое позволить, если представится случай? Ксения помнила давнее наставление, данное ей матерью. Скорее всего, оно не повредит в любой ситуации...

Часто, лежа в постели, она разговаривала с мамой, будто с живой, и рассказывала, какой несчастной чувствует себя без нее. И после таких минут и часов она не могла ответить самой себе, стало ли ей легче от того, что она жаловалась и жалела себя?

И еще ей подумалось: а ведь это с ее стороны эгоизм – желать, чтобы один из родителей остался при ней, был бы жив. Да, они любили ее – но истинная любовь их была сосредоточена друг на друге, и если бы один из них выжил, единственным его желанием было бы умереть, чтобы быть вместе с супругом. Все годы, проведенные ими вместе, они жили, словно опьяненные друг другом. Раньше Ксения этого не замечала так явственно, как стала осознавать это сейчас, вспоминая мельчайшие подробности всего того, что она помнила про мать и отца, про их совместность, даже когда они проводили дни порознь. А помнила она очень многое.

Миссис Беркли глянула на часы.

– Уже скоро! – довольно вздохнула она и потянулась руками к прическе, поправив в ней прядь, которая лежала немного не там, где положено. – Но

путешествовать поездом – как утомительно! Уверена, бедняжки во втором и третьем классах совершенно измотаны...

А это замечание, подумала Ксения, рассчитано на то, чтобы она, «бедная сирота», осознала, в какой роскоши путешествует. Вежливый благодарственный ответ был уже у нее на языке, но на этот раз миссис Беркли не получила желаемого. Раздался грохот, похожий на взрыв, и в этот самый миг вагон трянуло. Миссис Беркли пронзительно завизжала.

Ксения не издала ни звука, но судорожно схватилась руками за воздух.

Пол ушел у нее из-под ног, ее бросило в сторону, и она потеряла сознание.

Первое, что услышала Ксения, медленно и мучительно возвращаясь к реальности, был шум – кажется, он и вернул ее из небытия, куда она провалилась, едва ей заложило уши от грохота и швырнуло к стене. Дальше она ничего не помнила. Спине было прохладно и жестко – она лежала на какой-то ровной поверхности. А шум немилосердно резал ей уши, и ей захотелось прикрыть их ладонями. Она сделала движение, но руки ее не послушались. Она попробовала пошевелить пальцами. Они ощутили что-то прохладное, местами шероховатое и вместе с тем кое-где шелковистое. Вероятно, она лежит на земле, поросшей травой. Все ее тело от макушки до кончиков пальцев было налито свинцовой тяжестью, и она не находила в себе сил ее преодолеть. Даже открыть глаза ей было не в состоянии.

Похоже, некоторое время назад ее куда-то несли... Она смутно припомнила мерное небольшое покачивание из стороны в сторону. Это были носилки? Она и сейчас лежит на носилках?

Отовсюду слышались крики и стоны, но все эти звуки перекрывало пронзительное шипение паровозного пара. Свист действовал ей на нервы и не давал собраться с мыслями. Ее снова подняли и понесли. Но куда? В морг? Сквозь меркнувшее и вновь просыпающееся сознание она плохо понимала, что с ней происходит. И не было сил подать знак, что она жива, жива!

Шипение и свист усилились: если это паровозный пар, ее, наверное, сейчас поднесли совсем близко к локомотиву. Значит, не в морг... Движение еще

немного продолжилось, и она услышала мужской голос:

– Хвала Всевышнему! Быстро же мы ее отыскали!

Другой голос ответил:

– Просто нам повезло, что станция рядом.

Ах, вот оно что... Теперь она поняла: поезд попал в аварию, это случилось недалеко от станции, и ее кто-то нашел, какие-то люди.

Да, да, вагон тряхнуло, потом взрыв – и беспометство. Как глупо, что она сразу не сообразила, что произошло.

Ксения вяло вспомнила о миссис Беркли. Где она? Что с ней? Но более, чем на воспоминание о хозяйке, усилий у Ксении не хватило.

Она почувствовала, что снова впадает в забытие... и пришла в себя уже в здании – так она заключила, услышав тяжелые шаги по деревянным половицам.

– Ну вот, теперь все в порядке, – проговорил первый мужской голос. – Опускайте! И доложите шефу. А что это она там болтала? Бредила, как ненормальная! Звала какую-то миссис Беркли... Кто это?

Ксения почувствовала, что носилки, на которых ее принесли, положили на пол. Двое вышли из комнаты, и за ними хлопнула дверь – она определила это на слух.

Несколько минут она полежала, собираясь с силами, потом открыла глаза. Освещение было неярким, если не сказать тусклым – окна были довольно-таки высоко и совсем небольшими, на одной стене приглушенно горели два бра.

Она взглянула на потолок, оглядела стены – они были выкрашены в какой-то очень сдержанный коричневатый цвет. Похоже на зал ожидания. Авария случилась рядом с вокзалом, так, кажется, было сказано? Тогда все сходится, это зал ожидания. Ксения напряглась и заставила себя сесть. Потом, еще поднапрягшись, встала на четвереньки и переползла на пол, покрытый невзрачным линолеумом с мелким рисунком.

Помещение было меньше, чем обычно бывает зал ожидания, и плюс к полагающейся в таком случае длинной скамье здесь перед камином стояли два кресла. Станный какой-то зал ожидания...

Медленно, очень медленно Ксения поднялась на ноги. Колени дрожали. Но все кости как будто целы, подумала она с облегчением. И в самом деле, если забыть о разрывающей мозг головной боли, кажется, с ней все порядке. И все же ноги ее не держали – она опустилась на скамью как подкошенная. Развязав ленты шляпки, она сдернула ее с головы и сразу почувствовала себя лучше: свободная голова думает по-другому! А где перчатки? Собственно, какая разница? Нашла время думать про какие-то там перчатки, даром что купленные ее благодетельницей. Ничего, она за них отчитается. Произошла... железнодорожная катастрофа. Поезд столкнулся с чем-то, возможно, с другим поездом, и... из-за этого... сошел с рельс.

Она вздохнула один раз, другой. Заставила себя сосредоточиться на дыхании и дышать ритмично и глубоко.

У тебя... просто... шок, медленно говорила она себе в такт выдохам, говорила ласковым тоном, как будто уговаривает маленькую девочку, которая растерялась в незнакомой для нее обстановке. Не бойся, ничего не бойся. Сейчас... просто нужно... чего-то попить. Чего-то горячего. Лучше бы чаю. Но где ж его тут найти? Поэтому – дышим...

И все-таки – что с миссис Беркли? Надо бы выяснить.

Странно. В зале ожидания никого больше нет, кроме нее. Неужели нет других пострадавших?

В глубине помещения она заметила две двери и на одной из них – темные стеклянные панели, как если бы она вела в комнату отдыха или же гардеробную.

Ксения сделала вторую попытку встать на ноги.

Ощутимо ныло бедро, но в остальном определенно все было в порядке. Прихрамывая, зажав шляпку в руке, она доковыляла до двери с панелями и

толкнула ее.

Она была права. Это действительно была комната отдыха. Над умывальником – зеркало. Она подошла и взглянула на свое отражение. Бледное, как простыня, лицо, глаза на нем – как огромные темные площадки... Хороша, ничего не скажешь!

«Нечего там разглядывать! – строго сказала она себе. – Пей воду и отправляйся искать миссис Беркли». И для убедительности приказа сдвинула брови.

Взяв с подзеркальной полочки стакан, она отвернула кран и, дав первой воде стечь – так учила мать, – наполнила посудину до краев.

Вода была ледяная. Ксения, стуча зубами о стеклянный край, залпом осушила стакан и почувствовала, что разум ее укрепился от влившегося в тело холода, в голове наступила полная ясность.

Так. Искать, искать миссис Беркли!

Она вымыла руки, они мгновенно стали такими же ледяными, как вода в кране, и приложила их ко лбу. Постояв так минуту-другую, она, не забыв прихватить шляпку, вернулась в зал ожидания. Но он уже не был пуст. На скамье спиной к ней кто-то сидел. Ксения пригляделась. Женщина! Молодая.

Она подошла к скамье. Услышав ее шаги, женщина обернулась.

На долю мгновения Ксении показалось, что она все еще смотрит на свое отражение в зеркале. Или ей только кажется, что она пришла в себя, а на самом деле она еще в глубоком обмороке и ничего не соображает.

Но тут женщина заговорила:

– Святые угодники! Кто вы такая?

Ксения стояла, молча теребя в руках шляпку.

Разглядывая незнакомку, она видела в ней себя: та же белая кожа, те же глаза – зеленые, в темных ресницах... Только лицо не изможденное и обескровленное, а полное жизни, в глазах блеск, на щеках нежный румянец.

– Как вас зовут? – властно спросило ее сияющее отражение.

– К-ксения... Сандон... – очнулась она.

– О-о-о... Я должна была догадаться!

– То есть?

– Ты же моя кузина! Мы родственницы! Я всегда знала, что у меня есть двоюродная сестра, но я не думала, что мы настолько похожи, хотя наши матери и близнецы.

«Нет, это все еще бред, – подумала Ксения. – Или над ней кто-то решил вот так подшутить. Нашел время! Где миссис Беркли? Надо искать, искать миссис Беркли!» – как за спасительную соломинку, которая не даст ей лишиться рассудка, приказывала себе Ксения и не могла отвести взгляда от незнакомки, которая говорит ей такие удивительные вещи.

– Что ты молчишь? Как твое имя? – настойчиво твердила ее полная копия. И тут на Ксению снизошло просветление. Никто над ней не смеется, и это не бред.

– Так ты что – дочь... дочь тети... моей тети... Доротины?

– Святые Небеса! Разумеется! Я Джоанна – точнее, Джоанна Ксения.

– Тоже Ксения?

– Да, Ксения. Насколько мне это известно, наши матери договорились, что, если у какой-то из них родится дочь, она будет названа Ксенией – так звали их любимую куклу.

Ксения засмеялась. Но мышцы лица слушались плохо, и смех прозвучал надтреснуто, суховато.

– Моя мама говорила мне о своей сестре. Но я никогда не думала, что на свете есть кто-то настолько похожий на меня. Мы же все-таки не близнецы!

– Да, но я копия моей мамы, – сказала Джоанна.

– И я моей, – эхом отозвалась Ксения.

– И потому нас не отличить одну от другой.

Ксения слегка покачнулась.

– Ты ранена? – обеспокоилась Джоанна. Быстро встав со своего места, она обошла скамью и потянула Ксению за руку, чтобы та села с ней рядом.

– Нет. Я просто... я... потеряла сознание... на какое-то время... и меня принесли сюда.

Джоанна издала короткий смешок, тряхнув волосами. Пряди сверкнули огнем.

– Несомненно, они были уверены, что несут меня!

– Несут тебя? Куда и зачем? – недоуменно спросила Ксения.

– Видишь ли, это особый вокзал лорда Синк Порт – по крайней мере, мне так говорили, и, похоже, это его личная комната отдыха. Для пассажиров отведены другие помещения.

– О... теперь мне понятно, почему здесь так пусто, – Ксения изобразила вежливую улыбку и обвела взглядом комнату. – Теперь я вспомнила, один из двоих, что несли меня, сказал что-то вроде: «Ну, вот и гора с плеч! Быстро же мы ее нашли».

– Значит, они точно приняли тебя за меня! – весело объявила Джоанна. – Ну-ка, ну-ка, расскажи мне все, что ты знаешь! Только давай пересядем и устроимся там, где помягче! – Она помогла Ксении пересестись в кресло, откинуться поудобнее, сама села подле и пустилась в расспросы: – Так куда же ты едешь?

Почему была в этом поезде? Ты одна путешествуешь? Где твои близкие?

Ксения начала отвечать по порядку.

– Я знаю очень и очень немного. Вагон тряхнуло, потом этот взрыв... Потом меня куда-то несут... А еду... то есть мы с миссис Беркли едем во Францию. Я ее компаньонка. У меня никого нет. Мои мать и отец... они умерли... грипп... в прошлом году.

– Ох... прости... прости! – порывисто придвинулась к ней Джоанна. – Горе-то какое!

– Нам было так хорошо втроем... – грустно пробормотала вслух Ксения фразу, которая постоянно крутилась у нее в голове все эти долгие, долгие месяцы, пока миссис Беркли внушала ей, какая она счастливица, что живет в Беркли Тауэр и ее опекает она, миссис Беркли. – Мы были счастливы, пока я не осталась одна.

Кузина посмотрела на нее вопросительно, можно даже сказать – с подозрением.

– В самом деле?

– Что же тут удивительного? – не поняла Ксения, мысленно поразившись черствости сердца новоприобретенной родственницы. Но все же продолжила говорить: – Конечно! Когда живы родители – это совсем другая жизнь, чем когда ты осталась одна на всем белом свете. Чувствовать себя сиротой – я никому не пожелаю такого.

– Да, да. Да, ты права! Да-да! Но я вот что хочу сказать! Ой, прости меня! Представляю, что ты обо мне подумала! Я перескакиваю с одного на другое! Но ты – ты мне скажи, мне это так важно знать! Твоя мама – она в самом деле нашла свое счастье, когда сбежала с твоим отцом? Я так часто об этом думала! И, я знаю, моя мама – тоже, только она мне об этом впрямую не говорила. Но мне сейчас особенно необходимо это знать.

– Мои мама и папа были очень счастливы вместе, – кивнула Ксения. – Мама часто мне говорила, она ничуть не жалеет, что променяла роскошный дворец на бедный домишко и жизнь с папой, человеком совсем не только не знатным, но и

неблагородного происхождения. Она говорила: мы счастливы там, где мы есть, счастье – оно в нас самих.

– Твоя мать – исключительная женщина. Не то, что я... – сияющая Джоанна вдруг сникла. – Я на такое бы не решилась. Для этого нужен очень сильный характер. И воля. Я не такая.

– Знаешь... Будь ты влюблена...

– Да я как раз влюблена! – со стоном вздохнула Джоанна. – В том-то и дело! Но как я могу пожертвовать привычной жизнью? Всем, к чему я привыкла! Пожертвовать – хоть бы и даже ради Роберта?

Ксения остановила на ней удивленный взгляд.

– Ты влюблена в англичанина?

– Да, прямо как твоя мать!

– И ты тоже собираешься сбежать вместе с ним?

– Я бы хотела, но мне не хватает смелости.

– Тебе не хватает силы любви.

– Тебе легко говорить, но я должна выйти замуж за лютенийского короля Иствана, и если я не сделаю этого, это всех разозлит и настроит против меня! Не только моих родителей, но и его.

– Но моя мама была точно в таких обстоятельствах! – с горячностью воскликнула Ксения, молитвенно сложив перед собой ладони. – Она должна была выйти замуж за эрцгерцога Фри...

Ксения прикусила язык. Ох, эрцгерцог же стал мужем маминой сестры, Доротины! Значит – он отец Джоанны!

– Ты хочешь сказать, твоя мама должна была выйти замуж за моего папу? – Джоанна нетерпеливо поерзала в кресле, ожидая ответа. Ксения смущенно молчала, хрустя пальцами. Джоанна откинула голову и расхохоталась – в глазах ее, густо опущенных ресницами, вспыхнули зеленые огоньки.

– О, вот теперь я все понимаю! Так вот что от меня скрывали! Знаешь, вот мы тут с тобой разговариваем, а я думаю: почему мне с тобой так легко и свободно говорить на такие темы?! В нашей семье они были запретными! Но наше с тобой родство... Это оно так действует! И, знаешь ли, я скажу тебе: отца моего привела в ярость мысль, что ему предпочли какого-то простолюдина, да в придачу к тому – англичанина!

– Но он ведь женился на твоей матери! – быстро вставила Ксения реплику во спасение.

– Думаю, его это мало утешило. Несмотря на то, что одна сестра была ничем не хуже другой. Вряд ли он смог бы заметить подмену, даже если бы и не случилось скандала. Но все равно! Получается, им пренебрегли! Какому мужчине – да и женщине тоже – это приятно? – Джоанна вздохнула. – Но меня не удивляет теперь, что имя твоей мамы – табу в нашем семействе. Я могу о ней говорить только с моей мамой и только с глазу на глаз.

– А моя мама так и не узнала о том, что у нее есть племянница, так похожая на меня, – печально сказала Ксения. – Она мечтала узнать, есть ли дети у тети Доротины – но как раздобыть эти сведения? В газетах почти не писали о Словии и королевской семье.

– А в наших газетах ничего не пишут об Англии! – Джоанна задорно хихикнула. – Делают из нас патриотов! Но при этом мы все должны чествовать вашу королеву. А она заставляет всех трепетать!

– Ты ее видела? – меланхолично спросила Ксения. Не то чтобы это было ей любопытно, она спросила из пущей любезности, для поддержания разговора. В душе у нее царило смятение, она никак не могла поверить, что все это правда, а не сон или бред.

– Я остановилась на две ночи в Виндзорском замке – и это была одна из причин, почему я приехала в Англию: Роберт, лорд Граттон, был здесь. И было так чудно

урвать у жизни пару мгновений для нас двоих!

Час от часу не легче! Прятаться с любимым в Виндзорском замке! Ксения уже приготовилась удивиться вслух, но лицо Джоанны на миг озарилось счастьем. А дальше она уныло сказала:

– Только все это лишено смысла. За мной тут же послали – и мне теперь велено немедленно возвращаться в Лютению. Что за причина такая? Так срочно... Но не повиноваться я не могу.

В ее голосе звенело отчаяние. Но тут...

Она взглянула на Ксению:

– Послушай, у меня есть одна, кажется, весьма неплохая идея! Вполне вероятно, что грандиозная... Нет, идея, которая все в корне меняет!

– Идея? Какие корни? – Ксения рассеянно потерла ноющее бедро и переменила позу.

– Слушай внимательно, у нас мало времени! И быстро соображай!

– О чем ты? Мы куда-то торопимся?

Джоанна, не обращая внимания на вопросы, оглянулась, словно их кто-то подслушивал. И быстро заговорила:

– Мы должны были провести с ним десять дней вместе перед тем, как расстанемся навсегда. Подготовить все было непросто, сейчас не время вдаваться в подробности, но мы должны были быть вместе в последний раз в жизни.

Джоанна тихо всхлипнула и заставила себя продолжить, все той же скороговоркой:

– А потом эта депеша, чтобы я немедленно возвращалась в Лютению, и британское министерство иностранных дел вместе с нашим посольством уже

сделали все приготовления.

Она немного помолчала, переводя дух.

- Но теперь появилась ты! Понимаешь? То есть я смогу побыть с Робертом! И никто никогда не узнает, что я не в Лютении!

- Это как же? - непонимающе спросила Ксения.

- Ты сказала, что ты компаньонка какой-то дамы. Если ты просто исчезнешь - сильно ли она будет тревожиться о тебе?

- Думаю, она обратится в соответствующие органы...

- Она, скорее всего, решит, что ты погибла, разбилась или что-нибудь в этом духе, - деловито рассуждала Джоанна. - Во всяком случае, в твоём исчезновении никто не увидит чего-либо странного, а тем более никто не станет скорбеть по тебе... О-ой, прости! Но пойми меня! Я буду с Робертом! А ты должна поехать в Лютению вместо меня!

- Ну почему же должна? Да и как я могу так поступить? Миссис Беркли...

- Ну далась тебе эта твоя миссис Беркли! Ты так дорожишь ею? А она тобой? Ну, найдет себе другую компаньонку, свет клином, что ли... О-о-ой, ну прости, прости же меня... Я не думаю, что говорю! Вернее, я только и думаю что об одном - мы с Робертом можем пробыть вместе все десять дней! Как и планировали! А ты поедешь в Лютению. Мы с тобой выгладим одинаково. Кто различит нас? Никто. Никогда. А потом ты вернешься к своей миссис Беркли...

От волнения она вскочила на ноги и стала ходить вдоль камина.

- Раздевайся! - скомандовала Джоанна.

- Ч-что?

- Да-да, ты не ослышалась. Пока ты сидишь тут этакой каменной Психеей, сюда в любой момент может кто-то войти, и нам нужно быстро переодеться - вон там,

в комнате отдыха, она же и гардеробная.

– Я... я не могу.

– Что ты не можешь? Раздеться? Я тебе помогу.

– Они... догадаются!

– Не догадаются, – чуть не вскричала Джоанна. – Раздевайся же! – И она, схватив Ксению за руку, потащила ее в сторону гардеробной, на ходу начав расстегивать пуговицы на своем платье. – Давай! А если вдруг окажется, что ты не знаешь чего-то там протокольного или просто какие-то вещи из обихода, что знаю я, то – амнезия! Вот тебе выход! Тебя же несли на носилках? Несли. Ты теряла сознание? Еще как! Вот и скажешь, что после обморока потеряла память. Все просто и очень легко. И вполне убедительно! Учитывая обстоятельства...

Ксения, спотыкаясь, кое-как шевелила ногами и таращилась на родственницу во все глаза. Странное дело, как все помыкают ею! Ну, миссис Беркли – еще понятно, ей требуется подтверждение ее воинствующего альтруизма. А Джоанна – бери выше! Ей нужно подтверждение себя самой в свое отсутствие – в лице ее, Ксении. Ксении стало смешно – несмотря на всю абсурдность той авантюры, в какую ее пытаются затащить, она от души засмеялась своим невеселым мыслям.

– Что ты смеешься? Надо мной? Или тебе совсем нехорошо стало... Ты ведь и в самом деле теряла сознание...

– Да нет... То есть... Ты в самом деле мне предлагаешь, чтоб я прикинулась... чтоб я сыграла тебя? Но я-то, я! Куда я сама в это время денусь?

Джоанна ее поняла. Поняла тот скрытый смысл, какой Ксения вкладывала в вопрос. И отнеслась к ответу серьезно. Она обернулась и со значением на нее посмотрела.

– Пока... исчезнешь для всех. На время. И будешь жить в моем благодарном сознании, – мягко сказала она. И, наклонившись – они были уже в гардеробной, – приступила к расшнуровыванию ботинок. – Размер-то у нас один? Да. Один.

Великолепно...Ну послушай еще раз меня, пожалуйста! – Она еще более смягчила тон и добавила в него нотки просительности. – Все, что тебе нужно сделать, – это поехать в Лютению. Дело заключается в том, что три месяца назад объявлено о моей помолвке. Но свадьба состоится не раньше осени. Полагаю, я должна буду появиться на какой-нибудь церемонии, но этот вопрос мы решим после.

– Но король... твой жених... он же поймет, что я – это не ты! – попробовала сдержать напор сестры Ксения.

– Жених! – усмехнулась Джоанна. – Вряд ли он будет уделять тебе так уж много внимания, судя по его со мной поведению, – сквозь зубы язвительно пробормотала она.

– Ах, вот как? Он что, настолько не рад вашей свадьбе?

– Расскажу, когда переоденемся. Давай быстренько! Расстегивай пуговицы! Вон их сколько! И ботинки, ботинки! Живее!

– Но мы не можем... то есть... это же невозможно! Как же... – упиралась и протестовала Ксения.

Но Джоанна ее не слушала. Она уже напяливала на себя шляпку Ксении, которую не забыла прихватить со скамьи, где они сидели в первые минуты знакомства.

– Ну переодевайся же! – Джоанна защелкнула задвижку на двери гардеробной.

– Ты с ума сошла! – совсем отчаянно запротестовала Ксения. – Да стоит мне рот открыть, как все тут же поймут, что я – это вовсе не ты.

– Не преувеличивай! – твердо сказала Джоанна. – Ты ведь говоришь по-словски.

Это было скорее утверждение, нежели вопрос.

– Да, конечно! – гордо ответила Ксения, и у нее загорелись глаза. – Мама научила меня всем языкам, какие знала сама. И лютенский очень похож на

словский.

– Тогда о чем мы тут спорим? – усмехнулась Джоанна, перейдя на язык Лютении. – Все, что от тебя требуется, – улыбаться. Это на всех языках одинаково, – и она широко улыбнулась, как на приеме. – Улыбайся, побольше молчи и будь милой. Осанка у тебя королевская, держись ты с достоинством, как и подобает особе королевской крови... Что еще нужно? В конце концов, пусть все считают тебя немного загадочной – женщине это не повредит. А потом я сменю тебя, и ты сможешь благополучно вернуться в свою добрую старую Англию, как ее все называют, к этой своей... ой, прости.

Джоанна виновато умолкла. И через пару секунд заговорила снова – совсем другим тоном:

– Разумеется, я тебе заплачу. Заплачу за то, что ты сделаешь для меня – для нас с Робертом. Дай подумать, в английской валюте... в английской валюте я могу тебе дать сотню... нет, двести фунтов!

– Двести фунтов? – выдохнула Ксения, прижав руки к груди. Это было больше, чем она заработала бы за годы у миссис Беркли!

– Я могу потратить двести фунтов, не вызывая лишних вопросов, – потупившись, пояснила Джоанна, – и кроме того, если ты действительно стеснена в средствах, Роберт – лорд Граттон – тебе поможет. Он будет так благодарен тебе за то, что мы сможем провести эти десять дней вместе, что скупиться не станет!

– А как ты с ним познакомилась? – внезапно с улыбкой спросила Ксения. Ей и в самом деле это интересно было узнать.

Джоанна, умилившись ее простодушию, улыбнулась в ответ. Ей про деньги, а она.... Улыбка одной была отражением улыбки другой, но с разной «начинкой».

– Роберт был послан в британское посольство в Словии по делам. Мы встретились. И влюбились, вот и все!

– А дальше? Он что-то предлагает сейчас?

– Он готов к тому, чтобы я с ним сбежала, и он готов бросить свою дипломатическую карьеру.

– А ты?

– А что я? Как я могу отказаться стать королевой? Кроме того, папа... Он бы меня убил!

– Моя мама никогда не жалела, что сбежала с папой. Я же тебе говорила! И повторяю. Они любили друг друга так сильно, что...

– Пока что я решаюсь только на десять дней с Робертом... Ну давай же, Ксения, быстрее переоденемся! Мои фрейлины вот-вот объявятся на пороге!

– Ты не можешь... так со мной поступать... Джоанна! – слабым дрожащим голосом возмутилась Ксения, услышав про фрейлин. – Что еще за фрейлины и что они обо мне подумают?

– Ничего не подумают! – Джоанна с досадой дернула себя за локон. Но было видно, что она была бы рада схватить за волосы Ксению. – Единственная опасная персона – баронесса фон Абсхт. Она прибыла со мною из Словии. Пронырливая старушенция! Но даже ей вряд ли придет в голову, что мы с тобой впервые встретились только что.

– Да уж, кто бы мог в это поверить, – согласно кивнула Ксения.

– Как в бульварном романе! – блеснула познаниями Джоанна. – Я один такой прочитала украдкой от мамы, она мне их не дает, но я бы не против... Она строго следит за моим чтением... О чем это мы тут болтаем? Мне нужно рассказать тебе о своей свите.

– Я... О, Пресвятая Дева Мария! Я не могу, Джоанна!

– Не можешь слушать о моей свите?

– Сыграть твою роль, как ты не понимаешь!

– Ты должна мне помочь, Ксения! – взмолилась Джоанна. – Сестра ты мне или нет? И тебе совсем не помешают лишние двести фунтов!

Это была чистая правда – и дальше Ксения продолжала слушать Джоанну, проворно расстегивая пуговицы и расшнуровывая ботинки...

– Другая фрейлина, мадам Гиюла, приехала из Лютении и присоединилась ко мне только сегодня, в Лондоне. Так что она не опасна. Но есть еще горничная.

– Уж она точно что-то учует! – пропыхтела Ксения, вылезая из платья.

– Она просто подумает, что я не пришла в себя после аварии и, возможно, у меня легкая мозговая травма, – уверенно отмела страхи сестры Джоанна. – Лучше нам обменяться и бельем! Твое как будто похуже будет, а? Ой, прости, я не хотела тебя обидеть.

– Никогда не видела такого красивого белья, как твое! – простодушно восхитилась Ксения, не услышав замечания Джоанны в свой адрес.

– Ну, теперь это все твое. Пользуйся! Наряды все недурные и станут частью приданого. Кое-что я купила в Париже, по пути в Англию.

– Ты уверена, что не против, если я буду их носить?

– Глупая. А что еще ты можешь сейчас носить? Тебе и надеть-то нечего, – со смехом проговорила Джоанна. – И чего тебе категорически нельзя делать, так это посылать за своим багажом.

Ксения сцепила руки.

– О, Джоанна, давай остановимся, пока не поздно! Мне будет так страшно... я просто теряю сознание! Я что-то скажу невпопад, сделаю что-то не так! Я никогда не жила во дворце, я не знаю придворного этикета, как обращаться к горничной, к слугам, к лакею, к дворецкому...

– Об этом не беспокойся, – уверенно сказала Джоанна. – Всегда найдется какая-нибудь старая фрейлина, которая не даст позабыть, что надо делать в данный

момент: «Не забудьте перчатки, ваше высочество», «Сделайте реверанс, ваше высочество», «Пожмите руку майору, ваше высочество». Я от этого просто вою! Ты думаешь, я все помню, все эти тюрли-мюрли? Как бы не так! Живу на подсказках! И ничего!

– Я буду благодарна за любую помощь, – серьезно, с глазами, полными слез, ответила ей Ксения.

Джоанна улыбнулась.

– Знаю, что ты меня не выдашь. Сейчас я думаю только о Роберте. О том, как хорошо нам будет. Мы едем в его имение в Корнуолле. И будем мы там совсем одни.

Ксения посмотрела на нее особым взглядом.

– Совсем одни... Я правильно тебя поняла, ты говоришь мне, что...

– Что Роберт – мой любовник. Именно это я тебе говорю. Разумеется! И уже больше года!

– О, Джоанна... Я никогда не думала... И не знала, что кто-то...

– Может вести себя так развязно? – закончила ее мысль Джоанна. – Не знаю, где ты воспитывалась, Ксения, но какую страну ни возьми... Ты просто отстала от жизни!

Нет, Джоанна смеется над ней, рассудила Ксения. Не может этого быть! Чтобы ее сверстница из приличной – да какой там приличной! из королевской! – семьи имела любовника, будучи к тому же помолвленной? Это не укладывалось в ее голове.

– Но... но король Истван – так зовут твоего официального жениха? – с запинкой произнесла она миг спустя.

– Вот видишь – запомнила имя! Так что дальше все пойдет как по маслу. У короля есть его Эльга – его любовница, от которой он без ума. И мы уже

договорились: поженившись, мы не будем вмешиваться в личную жизнь друг друга.

Ксения не ответила.

- Это тебя поражает? Или даже шокирует?

- Порядочно, - призналась Ксения. - Подобная манера заключать брак кажется мне рассудочной и неприятной.

- Вообще неприятно выходить замуж за человека, которого ты не любишь, - огрызнулась Джоанна. - Даже будучи воспитанной в незнатной семье, ты должна понимать, что у королевских особ есть некоторые обязательства, которые нельзя игнорировать.

- Моя мама их проигнорировала, - взмахнула победным знаменем Ксения.

- И потрясла всю Европу! О, я знаю, это хотели замять, - щеки Джоанны горели, она всерьез разозлилась, - но, разумеется, об этом шептались то при одном дворе, то при другом. Шаг твоей матери восприняли как безумство и расценили его как удар по монаршей власти.

- Мама никогда и не думала, что ее персона столь важная, - миролюбиво отозвалась Ксения, желая сгладить конфликт. - И ей никакого дела не было до Европы. У нее был мой папа - и потом появилась я...

- Но я не хочу войти в историю подобным образом! - все еще пылко отвечала Джоанна.

Затем, взглянув в обеспокоенные глаза кузины, принцесса подошла к ней и поцеловала ее.

- Перестань тревожиться обо мне, Ксения. Я все делаю правильно - по крайней мере, правильно для меня. Твоя помощь для нас неоценима. - Она выдержала паузу и торжественно произнесла: - И я буду всю жизнь хранить о ней память.

– Передумай, пока не поздно, и выходи замуж за Роберта... за лорда Граттона! – взмолилась Ксения.

– Нет! – отвечала Джоанна. – Я помолвлена с королем Истваном, и я намерена стать королевой. Все, что должна сделать ты, – это придержать для меня местечко, чтобы не случилось скандала.

– Но как же мы... совершим рокировку? – хмыкнула Ксения, вспомнив шахматные уроки с отцом.

– Оставь это мне, – понимающе улыбнулась Джоанна. – Это не будет рокировкой в длинную сторону. Я как-нибудь проникну во дворец, и все, что тебе останется, – забрать свои денежки и отправиться восвояси.

Все это звучало весьма несерьезно и очень весело, но Ксения чувствовала: она еще не пришла в себя от потрясений, чтобы одержать победу в борьбе с сестрой.

– А ты? – спросила она слабым голосом. – Как ты встретишься с Ро... с лордом Граттоном?

– Пути Господни неисповедимы, – уклончиво отвечала Джоанна. – Роберт намерен, хотя я и предупреждала его, что это опасно, встретить меня в Дувре. Он отбыл туда предыдущим поездом и хочет, чтобы мы еще разок встретились, прежде чем я сяду на пароход и уеду в Лютению. Он-то думает, это будет нашим последним свиданием! А тут я ему и скажу...

Застегивая на Ксении платье – ткань была голубая, шелковистая, с муаровыми разводами, – она простонала:

– Как же он будет рад – и благодарен тебе! И мы преспокойно проследуем в отель лорда Уортена в Корнуолл.

– Корнуолл – это чудесно. Это лучшее место в Англии. Ты там была? – невольно зацепилась за родное Ксения.

– Нет, с твоей помощью буду впервые... Если ты прекратишь трястись от страха!

– Но что почувствует лорд Граттон, когда ему скажут, что ты попала в аварию? Вдруг вы не успеете встретиться раньше? – испуганно посмотрела на сестру Ксения.

– Полагаю, раненых пассажиров отвезут в Дувр как можно скорее, и меня среди них не будет, – беспечно отвечала Джоанна. – В любом случае не беспокойся. У меня куча денег, и я смогу о себе позаботиться. Я найду способ опередить любой санитарный транспорт.

– Ты мне кажешься такой храброй...

– А ты мне – чудо-ангелом!

– Ну нет... какой из меня ангел... У меня просто мозги набекрень съехали, если я покорно приняла твое авантюрное предложение.

– Все продумано. Что ты волнуешься? – Джоанна заканчивала облачаться в одежду Ксении. – Ты только погляди на нас! Да кому придет в голову, что по земле могут ходить две такие одинаковые молодые дамы?

– А твоя мать? – спохватилась вдруг Ксения. – Вдруг она меня увидит? Уж она-то заметит, что я не ее дочь!

– Не увидит. И если даже мама с папой решили бы завернуть ко мне в Лютению, они не смогли бы это сделать в течение ближайших десяти дней.

– Почему это?

– Они в Петербурге, гостят там по приглашению русского царя Александра Третьего и не смогут вернуться из России так быстро.

– Да, из России – не смогут, это правда, – кивнула Ксения и издала вздох облегчения.

– Говорю же тебе – не беспокойся! Нет никаких причин беспокоиться, – приобняла Джоанна сестру. – Тебе нужно только прихрамывать и позволять окружающим о тебе заботиться. Они в этом поднаторели. Я от этого уже с ума

схожу! И потом, как говорит моя мама, я в папу – у меня от него моя властность и своеобразие. Так что ты не отвертись! Покоряйся.

– Твой отец был бы... в ужасе, если б узнал, что мы тут творим на волне твоего своеволия и склонности властвовать, – устало проговорила Ксения. Не много ли ей для одного дня? А что ее ждет впереди?

– Он никогда не узнает, – без тени сомнения отвечала Джоанна. – Кстати, тебе полезно будет узнать: папа, мама и король Истван называют меня Ксенией – но только они.

– Как странно! И почему?

– Мама хотела, чтобы это было моим единственным именем, потому что она обещала твоей матери назвать свою дочь Ксенией. Папа настоял, чтобы меня назвали так в честь его бабки. А король Истван говорит, что Джоанной звали его тетку, которую он терпеть не мог!

Ксения рассмеялась:

– Вот и славно! По крайней мере, я привычно отзовусь им на свое имя.

Джоанна посмотрела на себя в зеркало.

Темно-голубое платье Ксении – из недорогой ткани, с корсажем, – подчеркивало ее талию. пышная юбка облаком укрывала бедра.

? – Хм... А это платье не так безнадежно, как можно было того ожидать... – с довольным видом заметила Джоанна. – Я могла бы выглядеть куда хуже!

? – Но другой-то одежды у тебя нет... – вернула ей Ксения реплику.

– А, неважно, – махнула рукой Джоанна, улыбаясь особой улыбкой. – Все необходимое можно купить в Дувре. Да, собственно, много одежды мне и не понадобится...

Кузина сказала это так, что Ксения покраснела. Но прежде чем она смогла что-то ответить, в дверь постучали.

– С вами все благополучно, ваше высочество? – спросил мужской голос.

– Вполне, спасибо, мистер Донингтон, – ответила через дверь Джоанна. – Я просто привожу себя в порядок. Сейчас выйду.

– Нет нужды торопиться, ваше высочество.

– Спасибо.

Они услышали, как шаги удаляются.

– Кто это был? – спросила Ксения шепотом.

– Мистер Сомерсет Донингтон, – объяснила Джоанна ей на ухо. – Он из британского министерства иностранных дел.

– Он что-то заподозрил?

– Нет. Он никогда раньше меня не видел, увидит сегодня. Тебя! – Джоанна издала короткий смешок.

Ксения одновременно с ней издала короткий вздох ужаса.

– А теперь выходи! – приказала Джоанна. – И пребывай в томной расслабленности – ты это сумеешь! Изображай слабые нервы и общее недомогание. Пусть попрыгают вокруг тебя. А ты клади руку себе на лоб, приотпускай ресницы, пальцами сжимай виски...

– А ты?

– Я здесь подожду, пока тебя уведут.

– Я... я не смогу!

– Чего не сможешь? – не на шутку взвилась Джоанна. – Изобразить стукнутую пыльным мешком из-за угла? Еще как сможешь! Вперед! – И, быстро чмокнув Ксению в щеку, она распахнула дверь и вытолкнула сестру в коридор, а сама встала за ее спиной, свирепо дыша в затылок и отрезая путь к отступлению.

Ксении ничего не оставалось, кроме как в полуобморочном состоянии, на ватных ногах войти в зал ожидания. И в самом деле – ее как пыльным мешком из-за угла стукнули, такой она себя ощущала. Или это состояние томной расслабленности, о котором упоминала Джоанна?.. И что-то еще про ресницы... Куда их? Вверх? Вниз?

Ее ожидал мужчина среднего возраста. На его лице она прочла беспокойство. Господи, им-то всем о чем беспокоиться?! Это ей, Ксении... О-о-о-о, хватит!

– Простите, что заставил себя ждать, ваше высочество, – начал мужчина с легким поклоном. – Но у меня для вас нехорошие новости.

Ксении было трудно совладать с голосом. Она смогла только вопросительно взглянуть на говорившего с ней дипломата. Но, кажется, это у нее получилось. Выразительности мимики ей было не занимать.

– Боюсь, баронесса фон Абсхт и ваша горничная слишком тяжело ранены, чтобы продолжать путь. Карета «Скорой помощи» отвезла их в Дувр, где, по мнению докторов, им придется остаться, по меньшей мере, недели на две или на три.

– Мне очень жаль это слышать.

Ксения удивилась, что может говорить столь отчетливо и не заикаться. Она даже слегка пожалела, что Джоанна не видит ее сейчас.

– Но я нашел мадам Гиюлу, – продолжал мистер Донингтон. – Она отделалась легким испугом. Мадам ожидает ваше высочество в экипаже.

– Мы дальше поедem в карете? – исполненным достоинства тоном осведомилась Ксения.

– До Дувра три четверти часа езды, – ответил мистер Донингтон, – и я решил, мэм, что вам покажется менее утомительным уехать сразу же, не дожидаясь другого поезда.

– Разумеется, – величественно согласилась Ксения.

– Тогда идемте?

– Д.... да...

И она, внутренне подбравшись, пересекла комнату, прикидывая, как Джоанна оценила бы ее первый выход.

«Это просто безумие! Бред! Сумасшествие! Все это кончится какой-то большой бедой!» – твердила она себе.

И миссис Беркли... Она так и не знает, что с ней. Но этот укол совести Ксения в себе подавила – обстоятельства сильнее ее.

Более того, начавшееся приключение – дикое, волнующее, о каком она не могла и помыслить! – постепенно вселяло в нее некий возвышенный трепет. И в конце концов она изыщет способ узнать о судьбе миссис Беркли, и даже если она ранена и ей нужна медицинская помощь, она ей будет оказана и без посредства ее незадачливой компаньонки.

2

Однако по мере приближения к Вене Ксению все сильнее охватывал ужас от предстоящего. До сих пор все шло относительно гладко, но теперь по сто раз на дню ей казалось: люди вокруг нее вот-вот догадаются, что она не та, за кого себя выдает.

Все естественно и сочувственно восприняли факт, что перенесенная авария оставила на здоровье принцессы след в виде небольшого расстройств рассудка: порою ее немного заносит, но это не стоит понимать буквально и

брать в расчет, это временно, это пройдет, принцессе просто нужен покой – и всеми силами старались ей его обеспечить.

С того момента, как она пересекла Ла-Манш – в отдельной каюте, с двумя полицейскими в штатском, охраняющими ее персону, – она отчетливо понимала: жребий брошен, пути к отступлению нет.

Но ей повезло: мадам Гиюла – дама за сорок, многоречивая, весьма эмоциональная – пострадала гораздо серьезнее; последствия аварии сказались на ней куда сильнее, чем боль в бедре у Ксении и ее вынужденный маскарад.

Мадам Гиюла никак не могла опомниться от потрясения и все сетовала и причитала, за какие такие грехи ей выпал жребий сопровождать принцессу в Лютению.

– Ах, эта поездка! Дорого же она мне досталась! Долго же я ее не забуду! До конца своих дней! Неужели не нашлось никого помоложе меня? – твердила она, незаслуженно относя себя к дамам в возрасте. – Но, конечно же, я ценю, очень ценю то доверие, какого я удостоена его величеством... конечно. Я очень его ценю, но все же... все же... И что он мне скажет, когда узнает, что приключилось с вашим королевским высочеством? Я чего-то недоглядела? – патетически восклицала она, всерьез полагая, что ее бдительность могла бы предотвратить то, что колеса поезда сошли с рельс. Вот у нее, Ксении, вся жизнь покатила в другом направлении, думала про себя «ее высочество». И отвечала мадам Гиюле, едва удерживаясь от смеха:

– Вряд ли король возложит на вас всю вину за железнодорожное происшествие! – и вывешивала на лицо спасительную улыбку, изо всех сил стараясь, чтобы голос ее звучал успокаивающе.

– Это с какой стороны посмотреть, ваше высочество! Король Истван очень любит во всем порядок, как вам известно, ваше высочество. А тут такая неразбериха! Всё сбилось, многие слуги теперь нездоровы... Он ожидает, что все будут молниеносно повиноваться его приказам, но не все сейчас это смогут, учитывая полученные увечья, физические и... и душевные! Ах, что же мне делать, что делать? – И снова по кругу.

Мадам Гиюла столь навязчиво упоминала о приверженности короля к порядку, что Ксения заключила: он такой же напыщенный деспот, как и отец Джоанны.

Мать так и говорила Ксении об эрцгерцоге Фридрихе – тиран и деспот!

– Моей жизни пришел бы конец, выйди я за него замуж! – частенько повторяла она. – А твой отец человек добрый, любящий – он любит то, как я думаю, как чувствую... Мне это и нужно. Хотя ему немного не хватает практичности, – деликатно замечала она.

После смерти родителей Ксения не то чтобы осталась ни с чем – оказалось, у их семьи были долги, и все время, сколько они прожили в Литтл Кумб, они едва сводили концы с концами.

Отец ее родом был из военной семьи, и после его смерти ее дед, генерал-майор Александр Сандон, написал ей сухое письмо, из которого Ксения поняла: генерал так и не простил сына за то, что тот оставил службу и полк.

Сугубо деловое письмо генерала было далеко от эпистолярных изысков и утешительных интонаций. Вот что прочла несчастная Ксения, нуждавшаяся в помощи и сочувствии:

«Мне никак невозможно приехать, чтобы присутствовать на похоронах Вашего батюшки. Его братья вместе с полком в Индии. Вам, конечно, известно, что Ваш отец получал от меня пособие в течение последних девятнадцати лет. Полагаю, после его смерти Вы не слишком хорошо обеспечены. Я продолжу отправлять Вам половину той суммы, что я выделял моему сыну. Вы будете получать эти деньги один раз в три месяца при посредстве моих юристов».

В письме не было и намека на то, что дед желал бы повидаться с внучкой, это было обидно, но больнее ей было думать, что он до сих пор обвиняет ее мать в загубленной военной карьере сына.

Пособие, которое Ксения должна была получить, составляло чуть менее ста фунтов в год, что означало: ее отец и мать получали двести.

Этого было достаточно, чтобы не умереть с голоду, но теперь Ксения поняла, почему им нужно было так тщательно экономить – даже при такой скромной жизни, какую они вели в Литтл Кумб.

Она думала, что, может быть, выручит какие-то деньги от продажи дома, который, как она знала, был куплен в свое время за счет продажи того небольшого количества украшений, что ее мать все же прихватила с собой при бегстве из Словии.

Но дом был заложен, и к тому времени, когда выплаты ей прекратились и Ксения с тяжелым сердцем продала мебель, чтобы у нее были деньги на жизнь, сумма в банке значилась столь ничтожная, что она всерьез испугалась за свое будущее.

Ей нужно было срочно найти для себя какой-то источник дохода, какой-то заработок. Чем скорее, тем лучше. И когда миссис Беркли милостиво предложила ей место своей компаньонки, Ксения знала: выбора у нее нет.

Но в теперешних обстоятельствах после многих раздумий она решила: что бы ни случилось в дальнейшем, у нее останутся две сотни фунтов Джоанны – и воспоминания, которых в противном случае просто бы не было!

И в то же время ее терзал страх: во что она ввязалась! У нее внезапно начинали мелко стучать зубы, и ей стоило немалых усилий не показывать виду, что она на грани приступа паники.

Разумеется, поразительное сходство с Джоанной ей будет порукой, что ни в одной голове не мелькнет и тень подозрения, что она, Ксения, – другой человек, а не ее кузина. Однако все это в значительной мере зиждется лишь на том, что ее временное «походное» окружение плохо знает Джоанну с человеческой стороны!

И мистер Сомерсет Донингтон, и мадам Гиюла впервые увидели Джоанну за день до отбытия той из Лондона. А в Вене? Там Ксению передадут в руки придворного из Лютении, и путь они продолжат в личном поезде короля. Джоанну они знают лучше.

Мало того, для нее зарезервирован целый вагон на поезде из Кале в Париж, где ей будут прислуживать хорошо знающие Джоанну и ее привычки слуги! Боже

Всевышний!

Но, несмотря на все треволения, Ксении не терпелось узнать, будет ли у нее возможность осмотреть город, о котором она столько наслышана. С разочарованием она обнаружила: времени у них хватит только на то, чтобы сесть на ночной поезд, который пересечет Европу и со ступенек которого она сойдет в Вене...

А мистер Донингтон все продолжал извиняться за то, что у нее нет горничной.

– Уверен, мадам Гиюла будет вам помогать по возможности, мэ, – заверил он. – У меня не было времени подыскать еще какую-то женщину, но я отправил его величеству телеграмму с изложением событий и попросил прислать помощницу на королевский поезд.

– Уверена, король не испытал радости, оказавшись перед необходимостью погрузиться в эти незначачие заботы, – церемонно ответила Ксения.

– Убежден: все, что касается комфорта вашего королевского высочества, для него чрезвычайно важно, – выставил дипломатичный ответ мистер Донингтон. Впрочем, ничего другого он и не мог сказать.

Ксения надеялась, что, оставшись наедине с мадам Гиюлой, она сумеет разжиться какими-нибудь глубоко личными – неважно какими – подробностями относительно личности короля, каковые можно будет взять на вооружение для частных контактов с ним.

Но мадам Гиюла ее сильно разочаровала. Она только и могла, что бранить судьбу, аварию, поезда, набирающий силу прогресс, приговаривая, что уж король непременно обрушит свой гнев за случившееся именно на нее – «да-да, так и будет, вот увидите!».

Если уж многоопытные дамы вроде мадам Гиюлы пребывают в таком всепоглощающем страхе от короля, то что остается ей, бедной наивной девушке, угодившей в эту ловушку, уныло думала Ксения.

В ту ночь, ворочаясь до утра в постели и зная, что на страже ее сна стоят полицейские в штатском, она твердила себе: все, что происходит с ней, – это просто увлекательное приключение! Она запомнит его навсегда и будет вспоминать о нем в старости. Возможно, со смехом... Может быть, со слезами... Но уж точно без скуки.

Мама, мама! Вот кто поможет, убережет ее от ошибок, вовремя даст незримые и ведомые только ей, Ксении, наставления! А она будет следовать им, будет ловить те знаки, которые будет подавать ей мать, видя ее с Небес...

И она ни за что не предаст Джоанну, их уговор! Они сестры, они родные – Джоанна сейчас единственная из всей семьи, с кем – пусть так коротко – познакомилась Ксения. И, может быть, в будущем... Нет, о будущем рано загадывать. Пока надо справиться с настоящим.

Что бы там кузина ни наговорила ей о любовных похождениях короля с... Эльгой, Ксения была уверена: вряд ли он ожидает, что его супруга и королева будет иметь любовника.

Ксения покраснела от самого этого слова, хоть в ночной темноте никто не видел ее лица.

Но как, как может благовоспитанная девушка, и в частности племянница ее матери, вот так вот взять и уехать с мужчиной – так, будто они женаты?

Ксения была очень наивна. Она даже не была уверена, правильно ли себе представляет, что происходит, когда мужчина и женщина предаются любви.

Она могла думать лишь об отце с матерью. Между ними происходило нечто очень интимное, но это было с благословения Божьего.

Однако пробыть десять дней в объятиях мужчины, в одной с ним постели, ощущая его всей своей кожей, зная при этом, что расстанешься с ним навсегда? Это неправильно! Это... это порочно! Как Джоанна пошла на такое? Чтоб на такое решиться, она должна полюбить, причем до такой степени, чтобы престол для нее мало что значил – ну попросту ничего, равным счетом!

Вот если бы влюбилась она, Ксения... Вне всякого сомнения, уж она точно повела бы себя так, как ее мать! И никто и ничто не смогло бы ее остановить! И если она будет уверена, что станет хотя бы наполовину так счастлива, как были счастливы ее родители, за это можно заплатить любую цену, поступиться всем, чем угодно, включая престол!

Прошла ночь. Затем полетели минуты, часы; часы складывались в сутки – и Ксения незаметно для себя стала получать удовольствие от почтительного к себе обращения и настойчивого внимания к своей персоне: ведь это внимание она получала теперь с обратным знаком, и это так контрастировало с язвительными любезностями в ее адрес миссис Беркли.

Мистер Сомерсет Донингтон – о, это был дипломат старой школы! – он произносил именно те ласкающие ухо слова, какие королевской особе хотелось бы слышать. Он умел сгладить любую неловкость – с мастерством, отшлифованным годами великосветской практики.

Совсем незадолго до прибытия в Вену Ксения обратилась к нему со смелым вопросом:

– Скажите, мистер Донингтон, почему меня так... скоропалительно вытребовали из Англии в Лютению?

Мистер Донингтон явно смешался. Он не торопился с ответом, и Ксения попросила:

– Вы были бы очень добры ко мне, сказав правду. Мне надо знать истинные причины. Видите ли... я не хочу совершить какой-нибудь непоправимой ошибки или просто неловкости, когда прибуду в Мольнар. – Ксения выбирала каждое слово и старалась быть убедительной. Она говорила о столице Лютении, где они должны были встретиться с королем.

– Разумеется, не хотите, я вас понимаю, – согласился мистер Донингтон. – Но я уверен: ваше высочество ждет очень теплый прием лютенийских граждан, и они будут с нетерпением ожидать дня вашего бракосочетания с королем Истваном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/barbara-kartlend/lubov-uhodit-v-polnoch/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: <https://tellnovel.com/ru/barbara-kartlend/lyubov-uhodit-v-polnoch-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)